

Инна ЧАСЕВИЧ

ШКОЛА В КОЛЬЦЕ

Повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МАРЬВАННА

Начало дружбы

— Мы должны найти того, кто крысятничает. Последнее дело у своих брать.

Вовка переводил взгляд с одного худого и бледного лица на другое и строго смотрел в глаза каждому из мальчишек, обступивших его плотным кольцом. Самому старшему было шестнадцать, самому младшему — десять. Эти ребята до войны не то что не дружили, а даже и не общались: учились они в разных классах, какой интерес с мелкими возиться? Но как только услышали из черных репродукторов про войну, сразу собрались во дворе школы. В тот июньский день сюда пришли те, кто не успел уехать к бабушкам в деревню или в пионерский лагерь — лето еще только начиналось. Среди таких «неуспевших» оказались Вовка, Мишка, Олег и Севка с Данькой — эти двое давно были закадычными приятелями, а потом и со всеми остальными сдружились. Они, не сговариваясь, стали держаться вместе в те летние дни, когда рыли окопы на подступах к городу. Тогда ребята впервые увидели прямо над головами немецкие самолеты со свастикой на крыльях и довольные лица летчиков, которые сидели в стеклянной кабине, как в этажерке — друг над другом. Самолет пролетел, и вдалеке раздался взрыв... Потом еще один и еще... Все выскочили из свежевырытых траншей и побежали по пыльной, залитой палящим солнцем дороге. Они бежали, пока хватало сил. Сколько километров осталось позади — никто не знал. Начало смеркаться, и все пошли на станцию ждать поезда, чтобы вернуться в Ленинград, который еще не понимал всего ужаса надвигающейся беды. Пока стояли на насыпи, увидели медленно пыхтящий мимо паровоз, на котором два железнодорожника, перевесившись через поручни, показывали всем огромный осколок снаряда. Вечером, когда поезд в город наконец-то пришел, они все вместе, подсаживая друг друга, забирались в вагон прямо с насыпи, а потом так же дружно встретились через день во дворе школы. Так для ребят началась война. Как они теперь будут жить и что делать, друзья не знали. Севка с Данькой, как самые старшие, уже были в военкомате, только их на фронт не взяли — сказали подрасти, школу окончить, потом приходить. Никому не верилось, что война затянется надолго и они успеют повоевать. Сейчас самым главным для них стало найти дело, нужное и важное для победы. И они нашли. Ребята

Инна Часевич окончила Нижегородское театральное училище и Литературный институт им. Горького. Печаталась в журналах «Земляки», «Нижний Новгород», «Российский колокол», «Великороссь», «Литкультпривет», «Союз писателей», «Электронные пампасы», «Крылья», «Простокваша», «Приокские зори», «Дальний Восток», «Автограф», «Фабрика литературы», «Детское чтение для сердца и разума», «Сценарии и репертуар» и др. Лауреат Международного литературного конкурса имени Исаковского «Связь поколений» и др. Живет в г. Сарове Нижегородской области.

стали ежедневно приходиться в школу, и хотя учеба так и не началась, их голоса уже с раннего утра слышались во дворе. Только не в игры они играли здесь, не в казаки-разбойники бегали или в лапту гоняли. Старшие на крышах дежурили, с «зажигалками» расправлялись, те, кто помладше, или им помогали, или шли к эвакуированным на третий этаж. Там тоже работы хватало: то с малышами посидеть, то старикам дров наносить, то у врачей «на подхвате» побыть, а то и в госпиталь, который недалеко расположился, успеть помочь, там тоже всегда дело находилось.

А в один из пока еще теплых сентябрьских дней отправились они все вместе к больнице Мечникова, где, на счастье, остались неубранными стебли кормовой капусты, на которых торчали зеленые листья. Людей на поле собралось так много, что оно казалось одной разноцветной, шевелящейся, говорящей массой. Размахивая наволочками, ребята бегали по полю, собирая драгоценную хряпу — нижние, самые жесткие, обычно никому не нужные листья. Смеркалось. Последний раз оглянувшись на поле, Витя, Мишкин одноклассник, вместе со всеми целый день собиравший «урожай», увидел, что листья «подмели» вчистую. Теперь торчали одни кочерыжки, напоминая остовы разбитых бурей кораблей. А они и были остовами — осколками мирной жизни, вмиг ставшей такой далекой. Витька вглядывался вдаль, стараясь запомнить до мельчайших подробностей этот летний день: серую, пылящую землю, торчащие из земли голые стебли и людей, устало бредущих по обочине с белыми наволочками, набитыми хряпой. Дома он обязательно возьмется за карандаш — только рисуя, можно забыть обо всех невзгодах.

В таких заботах, тревогах и трудах проходили первые военные месяцы, за которые ребята успели сдружиться и стать неразлучной ватагой. А уж когда с ноября учеба началась и стали каждый день видаться, вовсе норовили все время вместе держаться.

Печка

Вот и теперь вся компания собралась в школьном коридоре второго этажа рядом с дверью в учительскую. Это было самое теплое место во всей школе. Сюда прибегали на переменках и учителя, и немногочисленные ученики чуть-чуть «вздохнуть» теплом, чтобы не так «замерзало» на уроках, когда пальцы белеют от холода, а чернила, с трудом добываемые завхозом Гаврилой Иванычем, превращаются в синие ледышки. Тот же Гаврила Иваныч и печку в учительской топил, уж бог знает, где он находил столько обломков старой мебели и выломанных паркетин, только печка эта грелась исправно. В нее прятали на ночь ребята небольшие кусочки лепешек из лебеды, полагавшиеся к школьному обеду, который давал хоть какие-то силы жить. Некоторые ученики только ради этой еды и приходили в школу. Жалея измученных голодом детей, учителя не вырезали талонов из их карточек, поскольку тогда они могли получить еще что-то съестное. Конечно, суп из жмыха или дрожжей трудно было считать не то что вкусным, а даже просто съедобным, но все равно это был обед! И если бы не он...

Как-то само собой получилось, что те, кто покрепче, не сговариваясь, решили оставлять небольшие кусочки еды «про запас», чтобы потом их отдать тому, кому совсем плохо. Одному трудно выжить, а вместе можно попробовать «прорваться». Иногда ребята оставляли даже не просто кусочек, а целую лепешку — богатство по военному времени... Правда, не так уж редко, тем же вечером или утром другого дня они возвращались к печке и, мучимые непроходящим чувством голода, доставали и тут же «проглатывали» оставленные «про запас» куски. Но ели они свои, чужое брать никому и в голову не приходило. Гаврила Иваныч печку не начинал топить, пока не вытащит еду и, бережно завернув в бумагу, не оставит у себя, чтобы после уроков положить все на место.

А теперь выясняется, что кто-то за спинами товарищей крадет эти крохи! Когда пропажа обнаружилась первый раз, ребята решили, что им показалось, когда такое повторилось, решили, что, наверное, кто-то «не выдержал» и съел припрятанное. Однако два дня назад Вовка, точно зная, что свою треть лепешки он не съел, утром подойдя к печке, ничего в ней не нашел. Это стало первым звончком нечестности кого-то из ребят. Вчера друзья оставили в печке две целые лепешки, разделив две оставшиеся на четверых: они собирались навестить с гостинцами своего любимого Николая Матвеевича. Учитель почему-то уже три дня не появлялся в школе, а такого с ним раньше никогда не случалось. Но утром лепешек не оказалось. Мальчишки растерянно молчали, сомнений быть не могло: их кто-то украл, нагло забрал у своих товарищей, таких же измученных голодом ребят.

— Значит так, я думаю, что Николая Матвеевича все равно навещать пойдем, я оставлю лепешку от обеда, — строго сказал Вовка.

— И я, — поддержал Олег.

— Я тоже свою возьму, — тут же послышались голоса остальных.

— Вот и отлично, как только уроки закончатся, все берем с собой и идем, но того, кто крысятничает, мы все равно поймем, пусть в глаза нам посмотрит, — твердо сказал Вовка, которого давно друзья признали за старшего. Погрев напоследок руки у «учительской» печки, ватага двинулась к лестнице с витыми перилами — пора было возвращаться на уроки.

Налет

В ту же минуту, неприятно прорезав тишину, «заголосила» сирена воздушной тревоги, но никто не побежал вниз, все так привыкли к ее завываниям, что давно перестали спускаться в убежище: берегли силы, считая, чему быть, того не миновать. По коридору быстрым шагом прошла высокая, почти прозрачная десятиклассница Ира в ватнике, с противогазной сумкой через плечо, серьезная и сосредоточенная, она торопилась дежурить на крышу: тушить зажигательные бомбы. Мальчишки потянулись за ней. Хоть и маловаты некоторые были для таких дежурств, но помочь любимому городу и своей школе всем хотелось. Налет был страшным, грохот стоял такой, что посуда на полках столовой скакала, словно сумасшедшая. Этот час был похож на ад. Под конец бомбежки в учительскую влетел снаряд, оставив безобразные дыры в стене и потолке, а затем, вылетев в окно, упал во дворе. В этот раз ни погибших, ни раненых не было: мелкие ребята и учителя были в другом конце большой комнаты. После отбоя пришлось, правда, перевязать обожженную руку Мишки — задела его одна из немецких «зажигалок», «плюнула» из последних сил прямо на руку, пока тот ее песком закидывал, в изобилии насыпанном на крыше. Мишка сначала и внимания на боль не обратил, это уж когда возбужденная ватага во главе с бойцом ПВО, серьезной и сосредоточенной Ирой, спустилась на второй этаж, увидела девушка, что у него на руке не копоть, а кровь запеклась. Быстро и деловито обработав рану, Ира собралась доложить в штаб, что зажигательная бомба, попавшая на крышу школы, потушена и пострадавших нет. Напоследок оглядев с сомнением Мишку и поразмыслив, стоит ли его считать пострадавшим, в конце концов решила, что не стоит, и ушла. В этот день в дневниках вновь появилась ставшая уже привычной надпись: «Тревога. Не учились».

Мальчишка со светлыми волосами

На следующий день после уроков ребята опять собрались на излюбленном месте — у печки.

— Все, двигаем к Николаю Матвеевичу, его опять не было. Надо идти, пока не поздно, лепешку я прихватил, — осипшим от холода голосом пробасил Вовка.

Все согласно закивали. Почему они решили поделиться с немолодым учителем своим и без того скудным пайком, ребята, наверное, даже себе ответить не смогли бы. Сказать, что они жили «сытее», чем другие, нельзя. Голод стал неотъемлемой частью жизни, с ним засыпали, с ним просыпались, это чувство немного притуплялось только во сне, особенно когда снились бабушкины щи или французский батон из булочной на Невском. Правда, после таких «вкусных» снов голод нападал с удвоенной силой.

Но они все-таки шли по Лиговскому, неся учителю лепешки из лебеды, медленно брели по ледяной корке тротуара, переступая через замерзшие лужи воды и крови. В одном месте Мишка, увязавшийся за старшими, споткнулся и упал на странный холм. Он никак не мог подняться, барахтаясь на льду. Когда Вовка с Олегом подошли ему помочь, оказалось, что Мишка лежит на трупе мальчика со спутанными светлыми волосами. Рядом с погибшим валялось перевернутое ведро, вытекшая из него вода превратилась в лед, да и сам он давно стал замерзшим холмиком. Подняв Мишку, ребята, несмотря на мороз, сняли шапки и застыли в молчании, глядя на мальчишку. Первым заговорил Вовка:

— Я знаю, что мы выживем и будем хорошо жить. Не бывает тому, чтобы мы погибли...

— Умрем, а не сдадимся немцам на погибель, — поддержал друга Олег-старший, имя которого на самом деле было Адольф. Родители своего первенца в честь друга-немца так назвали. Только сейчас это имя «носить» было и неприятно, и страшно, вот и стали его звать не Доликом, а Олегом, только «старшим», поскольку в семье уже был один Олег — младший. Хоть шел ему только четырнадцатый год, был он сильно серьезным. Его поэтому даже старшекласники слушали и уважали, не говоря уж обо всей разновеликой ватаге.

— Двигаем дальше? К Николаю Матвеевичу? — неуверенно спросил Сева, поглядывая на ребят, которые молчали, о чем-то сосредоточенно размышляя. — Сейчас везде много... таких... на улицах. У нас в соседнем магазине три дня одна женщина на ступеньках пролежала, — продолжил он после паузы.

Ребята медленно зашагали по мостовой, но через несколько шагов остановились. Первым повернул назад Олег, за ним потянулись остальные.

— Мы должны что-то сделать. Нехорошо, что он так тут... лежит. А если б кто-то из нас вот так, на мостовой остался? — спросил Олег.

— Ну да. Нехорошо. А что делать? — веснушчатый Даня вопросительно оглядывал друзей. Все молчали, пытаюсь понять, что они могут сделать для погибшего мальчишки со светлыми волосами, да и могут ли. Первым робко заговорил Мишка:

— Я знаю! Честное пионерское, знаю, что делать! Когда дядя Слава, скрипач, сосед наш, помер, мы с мамкой не смогли его сами поднять, а папки не было: его редко с работы отпускают, вот мамка и пошла в милицию, — после этих слов Мишка почему-то замолчал.

— И? — нетерпеливо спросил Вовка, понимавший, что уходят драгоценные минуты.

— И пришел милиционер, — очнувшись, продолжил Мишка, — в книжечку какую-то, ну, специальную такую записал, потом погрузил дядю Славу на саночки и увез, мы с мамкой ему помогали по лестнице спускать. Ух, и тяжело было!

— Мы не можем сейчас искать милицию. Мы даже не знаем, в какой стороне самое близкое отделение находится. Это сколько времени на поиски уйдет?! А нам спешить надо: вдруг Николаю Матвеевичу совсем плохо? — сказал Олег, потом, немного помолчав, в раздумье продолжил: — Но оставлять его здесь мы тоже не можем.

Все кивнули в знак согласия.

— Я знаю, что надо сделать, — опять встрял Мишка, — его надо увезти.

— Увезти? Куда? — вопросительно поглядел на друзей Севка, а они так же вопросительно посмотрели на него. Воцарилось молчание.

— Я знаю куда! — воскликнул вдруг Мишка так громко, что ребята подпрыгнули от неожиданности.

— Напугал, знаток, — слегка улыбнулся Данька, потрепав его по голове.

— Когда Сашко умер, средний наш, который самым слабеньким оказался, — немало помолчав, Мишка продолжил, — мы его в подвал отнесли, ну, в бомбоубежище, нам еще сосед дядя Слава помогал, который скрипач, он тогда еще не помер, и даже еще музыку грустную сыграл. Там много... таких... лежит. Я покажу где!

Все опять посмотрели друг на друга.

— Я тут во дворе, у дома, видел кусок железа, во-о-о такой, — Мишка развел в сторону руки, пытаясь растянуть их как можно шире.

— Зачем он нам?

— Можно его, — он быстро взглянул в сторону лежащего, — на железо положить, ну, на кусок-то этот и отвезти, как на санках. Так легче и быстрее... Я видел — так делают. Честно, видел!

Все помолчали, обдумывая Мишкино предложение.

— Молодец, мелкий, дело говоришь, — подытожил Вовка, — показывай, где кусок свой видел.

Мишка, обрадованный, что пригодился, махнув призывно рукой, зашагал назад, за ним двинулась вся ватага. И буквально через пару метров в подворотне увидели кусок листового железа, скорее всего сорванного с крыши во время бомбежки. Взяв его с собой, они вернулись на проспект, осторожно переложили на него мальчишку со светлыми волосами и повезли. Впереди шли Олег-старший и Вовка, сзади «повозку» толкал Мишка, по краям поддерживали Сева и Даня. Ребята шли медленно: как ни мал был погибший, все равно его тяжело было везти по неровной мостовой, пересекая застывшие ледяные потеки, искореженное железо, валявшиеся повсюду осколки стекла и битого кирпича. Навстречу шли люди, больше похожие на тени, в одном месте пришлось уступить дорогу старушке, замотанной до самых глаз платком. Она, не глядя по сторонам, низко наклонившись над мостовой, шла, с трудом таща за собой санки с ведром, точно таким же, какое несколько дней назад вез светловолосый мальчишка. Проводив взглядом старушку, они двинулись дальше. Неожиданно Мишка закричал:

— Вот! Здесь! Точно! Я хорошо запомнил балкон смешной, с картинками.

— С витражами, — поправил Сева, он был любителем чтения и мог часами делиться знаниями с друзьями.

— Ну, я и говорю, — скороговорил Мишка, — с этими, ну, как ты сказал, я по ним и запомнил. Мы хотим Саньку потом... похоронить по-людски. Я поэтому точно запомнил! — горячо прибавил Мишка, чтобы ребята не сомневались, стоит ему доверять или нет. Друзья свернули в арку и подошли к подъезду трехэтажного дома. Олег с Вовкой, Севой и Даней подхватили мальчишку на руки и понесли в подвал. Мишка, как самый мелкий, которого берегли и от тяжелой ноши, и от возможности увидеть мертвого брата, остался ждать на улице. Притоптывая от мороза у стены дома, он то и дело заглядывал в подъезд. Ему казалось, что время остановилось, что они с мамой и дядей Славой быстрее «похоронили» Саньку в том огромном подвале. Когда ватага снова появилась во дворе, лица ребят показались Мишке еще более серыми и осунувшимися. Они остановились и несколько минут молчали. Первым заговорил Олег-старший.

— Как много там... — он запнулся, подбирая подходящее слово, а потом все-таки закончил: — Людей... лежит.

— Лежит... Я вот видел, как покойники стоят! — Мишкины глаза, от голода казавшиеся огромными, еще больше округлились. — Честно! В простынках, их к стене дома прислонили, вот они и стоят.

— Чего ты выдумываешь?! — рассердился Олег. — Как такое может быть?

— И ничего я не выдумываю! — обиделся Мишка. — У этого, как его, ну дом такой на улице этого... — от волнения он никак не мог вспомнить название улицы, — ну который город строил! Нам на уроке рассказывали.

— Росси? — уточнил много читающий Севка.

— Во! Точно! Дом там есть... забыл, как называется. Короче, я там мимо шел, а как увидел тех, которые у стенки, сам чуть не помер! Пока смотрел, тетенька с девчонкой санки привезли, на них малой в простынке был, они в дверь постучали, им открыли и говорят: мест нету, везите на кладбище, а тетенька в слезы — не довезем мы, говорит, сил нет. Ну, им дверь чуток пошире открыли и стали палкой длинной помогать, чтоб и малою туда затащить, и дверь закрыть можно было, а еще те, которые из двери, ругались на тетеньку, что из-за того, которого на санках привезли, дверь не закрывается. Честное слово, так и было!

— Помните, в сентябре трое наших ребят погибло, — спросил Севка, — от взрыва?

— Помним, конечно, — ответил Вовка, — Коля, Игорь и... как же его...

— Яша, — подхватил Даня.

— Точно! Яша. А ты это к чему?

— Мы их тогда хоронить всей школой ходили, помните? А сейчас покойники у стены стоят, — протянул Сева, ни на кого не глядя, — хоть прошло-то всего несколько месяцев. Что с нами со всеми дальше будет?

Сева стоял, кутаясь в отцовский ватник, и смотрел каким-то невидящим взглядом вдаль, словно пытаясь проникнуть в тайну будущего.

— Как хочется жить... — после долгого молчания произнес Олег, — а не знаешь, выживешь ли...

— Мы переживем всю эту кутерьму и еще будем есть пироги с капустой, честное слово! — Мишка для пущей убедительности стукнул себя по втянутому от голода животу и подпрыгнул от холода и чрезмерного усердия. Все посмотрели на младшего, и на их измученных лицах появилось некое подобие улыбки.

— Идемте, — сказал опять ставший серьезным Вовка и прибавил: — Мы запомним этот подвал. А сейчас мы должны найти того, кому еще, может быть, успеем помочь.

Николай Матвеевич

Они опять двинулись по мостовой и, пройдя по Лиговке, вышли на Невский. Вот и дом любимого учителя. Среди друзей один только Мишка пока не проникся его предметом: в силу мелкости возраста этого урока у него не было. Удивительное дело, и предмет-то вроде бы не самый нужный и важный: все-таки черчение — не математика и не русский, но таких интересных уроков, как у Николая Матвеевича, было поискать. Ребята чертили и планы дворцов, и самых знаменитых домов мира, и просто необычных зданий, а потом он им много всего рассказывал про каждое! Не было, пожалуй, ученика, которому не нравилось бы черчение. В этом году занятия в школе начались только в ноябре, и Николай Матвеевич не пропустил ни одного урока, хотя идти ему приходилось в лютый мороз ой как далеко, да и немолод он уже был. Но все равно приходил! Ребята ломали голову: почему же его не было в последние дни? Никому не хотелось думать о самом страшном, они предпочли вообще не говорить на эту тему, пока не придут и сами все не узнают.

В темном подъезде дома, где жил Николай Матвеевич, было холодно. Окна с выбитыми стеклами заколочены фанерой, заложены мешками с песком и тряпьем. Лестница, залитая потоками воды из лопнувшего еще в первые холода водопровода и носимых в квартиры ведер, обледенела и превратилась в каток. Когда все попытки ре-

бят взобраться по ней не возымели успеха, Олег-старший выскочил во двор и вскоре вернулся, держа в руках обрезок железной арматуры. Он начал колоть лед на нижних ступенях, однако силы у него быстро закончились, и кусок железа подхватил Вовка. На втором этаже железняка переключившись в руки Данчика, потом Севки и даже Мишки, который, громко сопя, с огромным старанием колотил лед на площадке третьего этажа. Так, по очереди, они продолбили хоть и узкую, но вполне пригодную для ходьбы дорожку прямо к квартире Николая Матвеевича. Трудно пришлось только на первом и втором пролетах, дальше дело пошло легче, видимо, уже мало кто забирался на третий этаж. Выжившие предпочитали занять комнаты пониже, чтобы не тратить понапрасну силы на подъем, потому-то льда на последнем пролете было гораздо меньше. Когда ребята, тяжело дыша, добрались до двери, Мишка, бледный как полотно, практически свалился на руки друзьям.

— Ты чего, мелкий? Плохо? Болит где? Ты не молчи, — ребята принялись тормошить Мишку, пытаясь понять, что с ним. Но он молчал, полулежа на руках у Севки с Данькой.

— У него, наверное, голодный обморок, — догадался Олег, — у моего младшего такое было.

— И что делать надо?

— Я сейчас схожу за снегом, потрем его немного, а когда в себя придет — лепешку дадим.

— Мы же Николаю Матвеевичу еду принесли, — строго сказал Вовка.

— Ну и что? Все равно надо хотя бы половину одной Мишке выделить, он молодец — и лепешку свою отдал, и пацана погибшего тащил, и лед колотил, и вообще с нами пошел, хотя никогда на уроках черчения не был. Короче, я вниз, за снегом.

Пока Олег ходил на улицу, ребята поочередно поддерживали младшего, чтобы тот не свалился на ледяной пол.

— Я до войны изюм не любил, из булок выковыривал, представляете?! — неожиданно проговорил Данька, глядя в стену. — Эх, сейчас бы этого изюмчика... Я бы, наверное, целый килограмм зараз съел или даже два... Когда война пройдет, я первым делом пойду в магазин за изюмом. То-то мать удивится!

— А я белый хлеб не ел, только французскую булку, во дурак-то был, — протянул Севка. — Ну ничего, когда-нибудь наемся и булками, и хлебом!

А Вовка, пожав плечами, сказал:

— А я все люблю, даже лук, варенный в супе, хотя его мало кто терпеть может. Но больше всего картошку жареную уважаю, со шкварками, поджаристую, корочка хрустит, шкварки соленькие, а если еще ломоть хлеба черного, свежего, душистого к ней... Вот закончится война, первым делом попрошу мамку картоху нажарить, а буханку сам порежу во какими кусищами... — тут он развел ладони в сторону, показывая размер хлебных ломтей, и зажмурился от удовольствия.

Вернувшийся в этот момент Олег, с удивлением посмотрев на мечтательное лицо друга, спросил:

— Вы про что тут без меня разговаривали?

— Про еду, — открыв глаза, но не меня мечтательного выражения, произнес Вовка. Остальные согласно закивали.

— А чего про нее говорить?

— Ну, кто что любил или не любил до войны...

— А... Я яблоки не любил есть — долго больно жевать. Кусок откушу и заброшу в буфет подальше, чтоб бабушка не ругалась — она ж всегда всех пыталась витаминами накормить. Как же теперь нам эти недоедки пригодились! Мама даже ругаться не стала, когда я ей яблочный «склад» показал.

— Как пригодились?

— Да так. Мы с младшим теперь эти засохшие огрызки достаем и жуем, вроде как сухофрукты. Вкусотища! И мама с бабушкой тоже едят. Бабушка нарадоваться не может, что я такой «запасливый» оказался.

— Повезло, — протянул Севка, — слушай, а ты что после войны первым делом съешь?

— Уху... — ответил, ни минуты не помедлив, Олег.

— Уху? — недоуменно переглянулись остальные.

— У меня отчим страсть как рыбалку любит, он вообще отменный рыбак. Мы с ним иногда на выходные с ночевкой ездили. Костер, сверчки поют, волна тихонько плещет, рыба в реке играет, луна все вокруг таинственным делает, будто ты в сказку попал. А уха из окуня, да только что пойманного, да на костре сваренного?! Не-е-е. Я ничего лучше в своей жизни не едал!

Друзья с интересом посмотрели на Олега. Они и не догадывались, что он такой мастер рассказывать, а уж как им после этой живо описанной истории ухи с дымком захотелось — и не передать! Быстро стряхнув с себя «рыбачье» наваждение, Олег, пока снег не растаял в руках, начал растирать Мишкино лицо и слегка похлопывать по щекам. Через несколько минут друг сделал судорожный вздох и, открыв мутные глаза, начал понемногу приходить в себя. Постепенно взгляд его стал осмысленным, и он уже смог сам стоять на ногах, правда, пока ребята окончательно не отпускали его, боясь, что от слабости он опять начнет падать. Олег достал из кармана завернутые в бумагу лепешки и протянул одну из них Мишке. Тот недоумевающе посмотрел на друга.

— Ешь! А то свалишься, не хватало еще тебя на руках тащить, — нарочито грубовато сказал Олег, чтобы пресечь все попытки возражения. Мишка, не в силах отвести взгляд от лепешки, решительно зажмурил глаза и отрицательно замотал головой.

— Ешь! Кому сказано! Не спорь со старшими!

— А можно я половину съем, а половину вы? — открыв один глаз, предложил Мишка.

— Половину на всех? Только понюхать? Давай уже целую лопай! — Олег отвернулся от соблазнительно пахнущего кулька с лепешками.

— А мне кажется, правда можно вторую половину на нас четверых разделить, — предложил Данька, — получится на каждого одна восьмая часть, но это ж лучше, чем ноль, — он был хорошим математиком и любил точность.

— Подчиняюсь большинству, — сурово сказал Олег, пытаясь скрыть радость: есть после долгого и трудного похода хотелось нестерпимо. Лепешка была поделена на не совсем ровные половины: Мишка все же настоял, чтобы его часть была поменьше, а другую поделили на четыре части. Причем Данька, как математик и круглый отличник по черчению, делил с филигранной точностью, пытаясь сделать так, чтобы даже крошек у всех было поровну. Когда лепешка мгновенно «исчезла» в недрах молодых организмов, Вовка постучал в дверь — звонки уже давно не работали, — но никто не отозвался. Тогда он решительно толкнул входную дверь, которая оказалась открытой и распахнулась сама. Ребята вошли в темный коридор.

— Николай Матвеевич, вы где? — позвал Вовка.

Все прислушались, но ответа не было. Они пошли по длинному коридору коммуналки, стуча во все двери и поочередно их распахивая. В глубине третьей они увидели сидящего за столом человека. Обрадованные ребята бросились к нему, но, подойдя ближе, поняли: сидящий за столом — мертв.

— Это не Николай Матвеевич, — первым заговорил Олег-старший.

— Нет... Это какой-то незнакомый дяденька, — шмыгнув носом Мишка. — Все равно жалко. Он на нашего соседа похож, на дядю Славу-скрипача, который после Сашка помер. Может, он хороший был? Вот наш сосед хороший... был...

— Подожди, не до воспоминаний сейчас. Что будем делать? — спросил Данька, глядя на друзей.

Все сосредоточенно молчали.

— Может, его, как того парнишку? В подвал? — предложил Сева.

— Не дотащим мы его, — возразил после паузы Вовка, — мы пацана впятером еле дотащили. А тут взрослый... Не можем мы всем помочь. Да и не надо... я так считаю.

— Оставим, как есть?

— Не знаю. Давайте для начала закроем дверь в комнату, чтобы Николай Матвеевич не увидел, что его сосед...

— Кому видеть-то? Мы же учителя еще не нашли, — подал голос Мишка.

— Ну и что? Найдем! — твердо сказал Вовка и продолжил: — А потом сообщим, куда сейчас сообщают, чтоб за покойником приехали. Как Мишкина мама сделала. Адрес назовем. Мне кажется, это все, что мы можем сделать для человека...

— Бывшего человека... — поправил Даня.

— Нет! Он хоть и мертвый, но все равно человек! Наш, советский человек, умерший от голода и холода, но не сдавшийся врагу...

Все помолчали, сняв шапки, потом Вовка, поглядев поочередно на каждого, уточнил:

— Мой вариант такой, ваши?

— Я согласен, — серьезно ответил Олег, — это выход.

Остальные молча кивнули. Они тихонько вышли из комнаты, прикрыв за собой дверь, и снова оказались в полутемном коридоре.

— Мы точно все комнаты проверили? — спросил Вовка после того, как они прошли в глубь квартиры и остановились в конце коридора.

— Все, — ребята переглянулись в недоумении, они не могли ошибиться квартирой, поскольку уже гостили у любимого учителя. Правда, это было в другой — мирной и счастливой — жизни. Но они все равно были уверены: это его дом, его квартира. Хоть сейчас она и мало напоминала жилье, скорее свалку мусора или поле боя: выбитые стекла, открытые двери, комнаты, давно не ощущавшие тепло человеческой жизни. И где-то в ее недрах находился человек, которому они, возможно, еще могут помочь, но где его искать — было непонятно...

— Не-а, не все, — подал голос Мишка, — я еще одну дверь видел, за кухней. Она как стенка.

— В смысле?

— Ну, картинки на ней, как на стенке...

— Какие картинки? — переспросил Вовка.

— Ну, такие, какие бывают на стенках!

— Он про обои говорит, — догадался Севка.

— Ну да! Обои, точно! Там вроде как стенка, только это не стенка, там ручка есть, я точно видел!

— Давайте туда, — Вовка быстрым шагом направился в сторону, в которую указывал Мишка. Там на самом деле оказалась дверь, и когда ребята в нее постучали, изнутри послышался еле слышный голос любимого учителя.

— Заходите, не заперто.

Открыв дверь, ватага двинулась в глубь комнаты. На узком диване, стоящем у заткнутого матрасом окна, виднелся силуэт человека, лежащего под кучей тряпок.

— Николай Матвеевич!

— Ребята? Вова... Сева... Данила... Олег, — он с удивлением рассматривал стоящих перед ним мальчишек, не веря своим глазам и отчасти считая их голодными галлюцинациями. Оправившись от шока, вызванного неожиданным и необъяснимым появлением, учитель засыпал их вопросами:

— Милые мои... Ребятки, да как же? Вы тут? Почему?..

Все заговорили разом, перебивая друг друга:

— Вы в школу не приходили...
— Четыре дня!
— Раньше такого никогда не было.
— Мы решили прийти, узнать...
— Помочь!
— Ребятки, милые... — голос немолодого учителя предательски дрогнул, — простите меня, сил нет... вот и не смог прийти... Но я полежу еще немного и встану, я постараюсь прийти... милые вы мои...

— Вы когда ели последний раз, Николай Матвеевич? — строго спросил Вовка.
— Не помню... ребятки, милые, да вы не беспокойтесь... у меня карточки есть, я, как встану, отоварю, поем... я...

— Николай Матвеевич, мы сейчас все сделаем, — сказал Олег-старший и тут же деловито начал раздавать поручения: — Вовка и Севка, дайте за водой, Мишка, бери веник, он у двери стоит, Даня растопи буржуйку, я пойду карточки отоварю: магазин рядом видел. Если меня долго не будет, подходите в очередь сменить.

Все тут же развели бурную активность. Мишка взял веник и начал пылить по комнате, пока ребята не принесли воду и слегка не брызнули на пол. В комнате стало хоть и не совсем чисто, но все-таки опрятно. А уж когда загудела маленькая буржуйка и комната начала наполняться долгожданным теплом, всем стало теплее на душе. Вскоре вернулся Олег.

— Надо же, сегодня очередь не такая большая была. Вот! Все принес!

— Ребятки, дайте пить чай! Кипятка у нас теперь много, спасибо вам! У меня кое-что вкусное есть, можно в кружки налить — сладко будет.

Николай Матвеевич тяжело поднялся с дивана, пошарил на подоконнике и взял в руки стакан, наполненный чем-то непонятно-серым.

— Это я на рынке выменял на костюм свой выходной, — и, отвечая на немой вопрос в глазах гостей, пояснил: — Когда Бадаевские склады горели, там сахара много расплавилось и в землю ушло, теперь эту сладкую «земельку» продают. Представляете, на рынке на нее своя, так сказать, такса имеется: та земелька, что сверху была — не глубже метра — по сто рублей, остальная — по пятьдесят. Мне повезло — верхнюю купить удалось.

Говоря все это, Николай Матвеевич наливал поочередно серую массу в кружки с кипятком. И на самом деле «чай» получился сладким. Учитель решил разделить на всех ребят ту пайку хлеба, которую принес Олег-старший, отоваривший карточки. Но мальчишки дружно замотали головами.

— Да вы что, Николай Матвеевич, мы ж только что обедали в школе!

— Честное слово, только-только поели и сразу к вам.

— Да! Мы вообще объелись, вот даже лепешки остались, мы вам их принесли — вот!

— Нет-нет, лепешки не возьму, — замахал руками учитель.

— Возьмите, пожалуйста! Мы вас очень просим!

— Вам надо поесть! Вам силы нужны! У нас ведь завтра с вами уроки. Вас все ждут!

— Ребятки, милые, я не знаю, как вас благодарить, я... — голос учителя опять дрогнул, и он быстро закончил: — Один я есть не буду — давайте ваши лепешки разделим, положим на тарелку к хлебушку и все будем угощаться! — говоря все это, Николай Матвеевич дрожащими руками выкладывал еду на стол.

После обеда — слегка подслащенного серого кипятка с лепешками из лебеды и хлебом из опилок — все расселись на диван. Николай Матвеевич достал с полки огромную красивую книгу и стал рассказывать ребятам о Лувре, о шедеврах, которые хранятся в этом музее сейчас, и о той жизни, что когда-то текла в его стенах, о короле Людовике-Солнце и о том, что прически придворных дам были настоящими архи-

текстурными композициями, метровой высоты. Мальчишки так и покатались со смеху, представив Иру, тонкую, хрупкую, перетянутую ремнем от противогазной сумки, с кораблем на голове! Сколько же знал любимый учитель и как интересно рассказывал! Потом он взял в руки карандаш и на обрывке газеты стал рисовать план будущего дворца пионеров, который обязательно построят после войны в их районе. Время в комнате с горячей печкой пролетело незаметно.

Когда ребята засобирались домой, на улице почти стемнело. Они ушли, а Николай Матвеевич, опустившись на диван, размышлял: откуда в них столько доброты? Он читал исследования ученых, что когда человек получает двести граммов хлеба в день, его личность меняется не лучшим образом, при ста граммах — просто до неузнаваемости. А эти дети получали сто двадцать пять граммов тяжелого, сырого, опилочного «хлеба» и оставались людьми. Он сам в детстве пережил страшный голод, прекрасно помнит, что в то время ни о чем, кроме еды, думать не можешь. Ребята, пришедшие его навестить и принесшие части своих пайков, — невыносимо голодные дети, как же они умудрились сохранить в себе человечность?..

Обход

Те, о ком весь оставшийся вечер размышлял Николай Матвеевич, пройдя по проспекту, повернули в переулок и остановились рядом со школой. Все окна были темными и казались чересчур строгими и чужими. Почти все были забиты фанерой, и только в одном чудом сохранившемся оконном стекле внезапно появился еле различимый огонек и тут же пропал.

— Это, наверное, дежурный в обход пошел.

— А кто сегодня?

— Вроде бы библиотекарь наш. Я днем слышал, что она должна.

— Елизавета Федоровна здорово рассказывает, интересно, особенно про оружие, — подал голос Мишка, — мы на прошлой неделе сами начали топоры делать, ну, такие, с каким на мамонта древние охотились! У меня хорошо получилось!

— И куда это ты на охоту собрался, человек разумный? Или еще только умелый? Где мамонтов рубать будешь? — засмеялся Севка.

— Да ну вас! — обиделся Мишка. — Никуда я не собрался. Хотя фашистов порубал бы! Просто говорю, что с ней здорово и интересно! А с вами учителя ничего такого не делают, вот вам и завидно! — он надулся и, отвернувшись, стал смотреть на темную молчащую школу.

Как ни устали друзья за день, но, весело рассмеявшись, потрепали мелкого по плечу.

— Пора по домам, — подвел черту Вовка, — завтра в школу.

— Надо еще завтра про того... который в квартире Николая Матвееича, сказать, — напомнил ребятам Олег-старший.

— Я с утра пойду в милицию, рядом с нашим домом есть отделение, — пообещал Вовка.

Постояв еще немного, все разошлись по домам.

А в школе в это время шел обход. Елизавета Федоровна, или, как ее ласково называли ребята, «Лизочка», шла по темным сводчатым коридорам, держа в руках фонарь «летучая мышь», и при слабом свете фитилька напряженно вглядывалась в звенящую темноту этажей. На первом и втором стояла тишина: все ученики и учителя давно разошлись по домам, на третьем этаже тоже было тихо. Хоть на нем уже несколько месяцев жили эвакуированные, но даже детских голосов не было слышно: военные дети не привыкли шуметь.

Проходя у подвала, «Лизочка» поежилась — как ни привыкла она за эти блокадные месяцы к мертвым, но осознание того, что они совсем рядом, под лестницей, сжимало сердце ледяным холодом.

Библиотекарь, закончив обход, вернулась в канцелярию и при свете тускло мерцающей копилки села за письмо. Своей Натусе она старалась писать если не каждый день, то хотя бы одно-два письма в неделю обязательно отправляла. Вначале она еще переживала, что уговорила дочь одну в эвакуацию уехать. Думалось бессонными ночами: может, лучше было бы здесь всем вместе, а потом поняла: это счастье, что дочь не знает того ужаса, в котором живут они с Иваном. И всей правды она никогда Натуске не пишет, а если что и рассказывает, так со смехом, чтобы та не переживала сильно за родителей. Ей ведь самой сил много надо, чтобы выжить — везде тяжело, что здесь, что там.

На листок в косую линейку ложились ровные аккуратные строчки — у Лизы со школы был хороший почерк, который не смогли «испортить» ни голод, ни темнота в комнате. «Я так похудела, что ты не узнала бы меня, но я рада, что похудела, а то толстой тяжело было ходить». Она отложила ручку и задумалась: перенесут ли они эту страшную зиму? Хорошо, что давно переехали жить в школьную пристройку, не надо тратить силы на дорогу. Пайки сейчас такие маленькие, что Иван, того и гляди, совсем сляжет, и так у него сил хватает только до класса дойти и вернуться в комнатенку с дверью, для тепла завешанной одеялами. Школу не отапливают, дров нет, холод ужасный, печурка только в учительской горит, чтоб хоть чуть-чуть согреться.

Елизавета тряхнула головой, отгоняя грустные мысли, и снова взялась за письмо, на улице завывала сирена воздушной тревоги. Бомбили долго, и хотя до школы в этот раз не долетели ни осколки, ни «зажигалки», все равно было страшно от зловещего гула самолетов и грохота далеких взрывов.

Когда налет закончился, «Лизочка», еще раз обойдя все здание, вернулась в канцелярию, где уже вовсю звенел телефон. После бомбежек всегда звонили из штаба противовоздушной обороны, спрашивали: «Все ли в порядке? Не нужна помощь?» Ответив, что все нормально, потерь и разрушений нет, «Лизочка» опять села за письмо. Еще одна блокадная ночь канула в вечность. Сколько их еще будет, холодных, настороженных, неудобных военных ночей, она не знала, да и никто не мог знать.

Забрезжил рассвет. Елизавета, чуть-чуть отодвинув одеяло, закрывавшее единственное уцелевшее стекло, посмотрела в окно. Блокадные зори были какими-то особенно выстуженными, ледяной отблеск розовил серые стены домов, делая их неестественно холодными и нежилыми. Неужели когда-нибудь ее любимый город снова станет красивым, уютным, наполненным детским смехом и счастливыми парочками, нежно держащимися за руки? Они с Иваном любили гулять по Заячьему острову сначала вдвоем, а потом втроем с Натуськой. Родился в семье и сын, только умер совсем маленьким. Даже не верится, что когда-то это было, и еще больше не верилось в то, что все это осталось навсегда в прошлой жизни и, может, уже никогда не повторится. Лизе хотелось заплакать, но она отогнала от себя это предательское желание и начала мечтать: вернется дочь, может быть, даже уже весной, и все пойдет по-старому, по-хорошему. Только бы дожить до этого времени. Только бы выжить...

Решив немного вздремнуть перед работой, Лиза прилегла на небольшой диванчик, чудом избежавший участи стать дровами, но заснуть так и не смогла: было нестерпимо холодно. Гаврила Иваныч начнет топить «учительскую» печку только утром, когда все придут в школу. Чтобы согреться, Елизавета встала и вышла в коридор «побегать». Это, конечно, только называлось: «бег», на самом деле такое определение вовсе не подходило движениям голодного, вполнину исхудавшего человека, которо-

му к тому же приходилось беречь силы. Но Лиза все-таки заставила себя немного двигаться взад-вперед по коридору.

Дежурство

Начали потихоньку приходить учителя, школа привычно ожила, и библиотекарь вернулась к себе на рабочее место — она обещала сегодня младшим ребятам почитать про летчиков.

После уроков друзья опять собрались у двери учительской.

— Я сходил в милицию, все сказал, обещали прийти по адресу, забрать человека из квартиры Николая Матвейча, — с ходу сообщил Вовка.

— Молодец! — оценили сдержанное слово друга.

— Я тут вот что надумал, — начал Олег-старший, — надо установить дежурство у печки, ночное. Мы должны поймать того, кто у своих ворует. Противно думать, что в школе завелась «крыса», крадущая у таких же, как он сам. Не по-человечески так поступать...

— Мысль хорошая, — поддержал Вовка, — только кто нам разрешит в школе ночью оставаться?

— А давайте честно расскажем «Папанину», зачем нам надо здесь ночью быть, неужели он не поймет? — предложил Севка.

— Точно! — подытожили, не сговариваясь, Данька и Олег.

— Тогда айда к нему! — скомандовал Вовка, и все дружно двинулись на поиски Ивана Александровича. Но тут друзей остановил Мишка.

— Подождите-ка. А мы к кому идем-то?

— Ну ты даешь, Михайло... Не Ломоносов... К директору, конечно, к кому же еще?

— Да? А почему вы его «Папаниным» называете? У нашего директора другая фамилия.

— Эх ты, темнота, — засмеялся рыжий Данька, — не слышал разве про подвиг «челюскинцев»?

— Знаю я про то, как летчики на льдине высадились, не хуже некоторых знаю, — обиделся Мишка.

— А если знаешь, чего спрашиваешь?

— Я про фамилию спросил директорскую. А про подвиги я читаю! Я всю библиотеку школьную про подвиги прочитал! И все газеты у мамки, где про героев писали, прочел, ну до войны, конечно. Сейчас-то у нас газет не осталось... Да и книг мало... Толстой лучше Чехова горит...

— Знаток, — не унимался Данька, — Папанина Иваном Александровичем звали, как и нашего директора! Читал он...

— Читал! Откуда ж я знал, что вы нашего в честь полярника называете! — запальчиво возразил Мишка.

— Хватит спорить! Замяли! Чего силы на глупые разговоры тратить? — прекратил начинавшуюся ссору Олег-старший. — Пошли уже.

Внимательно выслушав ребят, Иван Александрович разрешил «ночевки» с условием, что оставаться будут по одному и, самое главное, в случае необходимости помогут дежурному учителю. Все, естественно, согласились. Первым решил провести ночь в школе Олег. Но как ни странно, никто не пришел за едой из «печки» ни вечером, ни ночью. Целыми остались пайки и на следующую ночь.

Прошла неделя ежевечерне-ночных «дежурств», а никто к печке не подходил. Ребята решили, что дальше искать «крысу» смысла нет, и перестали «караулить». К тому же налеты участились, все ученики постарше на крыше школы пропадали — «зажи-

галок» тушить много приходилось, а какие силы у измученных голодом пацанов? Вот и шли целой ватагой, чтобы друг другу помочь: огнетушитель тяжеленный, из рук так и рвется, вдвоем и то еле-еле его удержишь.

Праздник

Совсем незаметно, среди военного времени, налетов, голода и смертей, подошел Новый год. В школе решили устроить настоящий праздник с «живой» елкой, украшенной «довоенными», тисненными из картона игрушками, «снежной» ватой, «цепочками» из бумаги, правда, без свечек и золотых пряников на ветках, но и такой елки было достаточно для ребячьей радости. А еще всем, кто придет, обещали праздничное угощение.

Как же все ждали эту елку! Последнюю неделю перед праздником только и разговоров было — что дадут на обед. Самые смелые мечтали, что будет бутерброд: масло на белом хлебе, и, может быть, но об этом говорили с придыханием, зажмуривая глаза, как о несбыточной мечте: кусочек мяса с гречкой или макаронами. Фантазии других ограничивалась большим куском настоящей французской булки и тарелкой пшенной каши, сваренной на молоке. Еще всем хотелось, чтобы дали конфет, пусть и обычных подушечек или леденцов, или просто много сахарных кусочков.

В день праздника Мишка решил зайти за своим одноклассником Ленчиком. Это был самый тихий и спокойный мальчик в классе. Он никогда ни с кем не ссорился, не дрался, не кричал, но почему-то никому не хотелось его обидеть или посмеяться над ним. Может, потому, что он умел интересно пересказывать книги, которые «проглатывал» в огромных количествах? Когда он говорил, его огромные серые глаза светились радостью от того, что он может с кем-то поделиться тем, что так хорошо знает. Ленчик всегда был худым, а за блокадные месяцы просто катастрофически «сдал». Уже неделю он не ходил на уроки — так распух от голода, что руки не могли держать ручку, да и сил выходить на улицу не осталось. Мишка с ним не то чтобы дружил, но всегда уважал и любил слушать, как он рассказывает, потому решил, что должен во что бы то ни стало привести одноклассника в школу — на праздник и вкусный обед. Даже если придется его нести на спине, все равно он Ленчика на елку доставит! А если Мишка что-то решил, то обязательно сделает, и неважно, что только в четвертом классе учится и его друзья мелким называют. Заставить себя отдать Ленчику свой паек он не мог, но зато был в силах привести одноклассника на обед.

Нина

Он вышел из подъезда и медленно побрел в сторону Ленчикова дома. Мишка шел и думал о том, что голод, наверное, самое страшное испытание для человека. Когда ты ни о чем не можешь думать, кроме хлеба, когда ты видишь его во сне, когда он тебе мерещится в каждом валяющемся на мостовой камне, когда ты чувствуешь его запах даже через гарь разбомбленных и обгоревших домов. Он снится тебе по ночам, ты пишешь о нем в своем личном дневнике, ты разговариваешь с буханкой хлеба, умоляя ее появиться на столе. Когда норма стала совсем маленькой, а голод совсем нестерпимым, Мишкина мама разделила паек на маленькие порции и стала давать им с братишками каждый час по крохотному кусочку. Самый младший Ванька катался по полу, плакал, просил «хлебушка», кричал: «Дай топор, я сундук разрублю, ты в нем еду прячешь!», мама бледнела и, крепко обнимая младшего за плечи, прижимала к себе или, посадив на колени, качала, как младенчика. Средний Сашко не плакал, он просто тихо и быстро угасал. Бледнел, худел, а однажды заснул и не проснул-

ся. Мишке было ужасно стыдно, что в тот день он, не поделившись с младшим, один съел Сашкин кусок пайка, к которому тот так и не притронулся, а потом хлеб стал ему не нужен. Замирая от стыда и непреодолимого чувства голода, Мишка, пока младший спал, осторожно забрал из уже холодевших рук Сашки кусочек, заботливо вложенный матерью, и тут же проглотил. Так стыдно ему никогда еще не было, но бороться с собой он не мог. Мишка решил, что когда-нибудь он обязательно расскажет об этом дурном поступке маме и друзьям, только не сейчас.

Когда брата «похоронили» в подвале дома с витражами, мама продолжала нарезать сыновьям хлеб почти прозрачными кусочками и давать их через час. А неделю назад, когда мама ушла вниз за дровами, брат перевел стрелки на полчаса вперед. Мишка это видел, но ничего не сказал матери — и ее было жалко, и смотреть на муки младшего было нестерпимо. Мама вошла в комнату, Ванька бросился к ней с криком: «Мамочка, час прошел». Мама посмотрела на часы, все поняла, села на пол и заплакала, хотя не плакала с того самого дня, когда черный репродуктор произнес страшное слово: «Война».

А сейчас у мамы совсем мало сил осталось, она сидит вместе с Ванькой в холодной комнате и даже не может больше добывать дрова. Теперь это Мишкина обязанность. Он ходит по дворам, собирает ветки, палки, деревянные обломки — все, что на растопку годится, и несет домой. Свои книги и мебель они давно уже сожгли.

Мишка шел и сжимал кулаки, ему казалось, что если сейчас из-за угла вдруг выскочит немец, то он его убьет. Он задушит его своими худыми руками с синими жилками вен или схватит первый попавшийся кусок железа и с наслаждением опустит на голову мерзко улыбающемуся фашисту — когда он думал о врагах, то почему-то всегда представлял их лица перекошенными ухмылкой. Такая ненависть его переполняла, что перехватывало дыхание.

В конце улицы, недалеко от Мальцевского рынка показалось странное существо. Мишка даже сначала не понял: мужчина это, женщина или ребенок. За ним гнались разъяренные люди, было видно, что существо это бежит из последних сил. Постепенно бег становился все медленнее и медленнее, наконец оно повалилось на мостовую, и на него тут же обрушился град ударов. Мишка кинулся вперед, он понимал, что сейчас случится страшное: люди растерзают человека, не фашиста, которого он сам только что хотел убить, а такого же, как они, советского человека. Он не знал, что за преступление совершило несчастное существо, но точно понимал, что оно не заслужило такой участи. Мишка еще не решил, что будет делать один против разъяренной толпы, но точно знал, что молчать не станет. Он побежал изо всех сил, на которые были способны подгибающиеся от голода ноги, но когда оказался около толпы, все уже было кончено...

На мостовой лежал мертвый человек, замотанный в грязные лохмотья. Вглядевшись в залитое кровью лицо, Мишка с ужасом узнал в погибшей соседку Нину. В руках у нее был зажат кусок серого сырого хлеба.

- Убили! — раздался визгливый женский голос из толпы.
- А ты не воруй! Мы, что ли, не голодные! — тут же закричали со всех сторон.
- Поделом, сам виноват!
- Чисто собака — его бьют, а он ест.
- Это не он, это она, гляньте.
- А хоть и она! Если баба, что — воровать можно? Никому нельзя!
- Со всеми, кто на чужое зарится, так будет!

Все еще немного потоптались вокруг убитой, громко обсуждая происшедшее. Из обрывков разговоров Мишка понял, что тетя Нина ходила по рынку и, когда торговец чуть зазевался, выхватила еду прямо из рук. За ней погнались, стали бить, но она

не защищалась. Ее били, а она судорожно запихивала в рот хлеб, словно не чувствуя ударов. Потом в порыве безумного отчаяния вырвалась из круга преследователей и бросилась бежать, но упала под ноги разъяренной толпы.

Преследователи разошлись, а Нина так и осталась лежать, прижимая к мертвой груди кусок хлеба. Мишка вспомнил, как две недели назад у соседки умирала маленькая дочка Ленуся. Все, что можно было продать или обменять на еду, было продано и обменяно. У девочки не было сил двигаться, она просто тихонько лежала на диванчике, смотря на холодные стены. Нина каждый день ходила отоваривать карточки, честно доносила пайки до дома, но от голода у нее мутилось сознание, и у самого подъезда она судорожно «проглатывала» оба крошечных кусочка серого «опилочного» хлеба. Поднявшись на свой этаж, она начинала истошно кричать: «Украли! Карточки украли!» Войдя в комнату, где лежала Ленуся, она садилась к ней на кровать, прижимала дочку к груди и, раскачиваясь из стороны в сторону, как заведенная, повторяла одно и то же: «Украли, доченька! Украли-и-и! Нету хлебушка, нету!», а потом начинала громко рыдать от отчаяния. Мишка несколько раз сам видел, как Нина, подходя к дому, стеклянными, «невидящими» глазами смотрела на куски хлеба в руках, ее начинала бить нервная дрожь, она не в силах была справиться с желанием утолить голод, и через минуту от пайков не оставалось ни крошки. Казалось, что женщина проглатывала пайки, даже не разжевывая. Потом ее взгляд становился совсем безумным, она заходила в подъезд на негнущихся, «ватных» ногах и медленно поднималась по лестнице, держась за перила. Через несколько минут из квартиры раздавался крик: «Украли-и-и!» Так продолжалось целую неделю. Мишка честно рассказал об увиденном матери, и та, жалея их, стала отделять жалкие крохи от своего пайка. Но Ленуся все равно умерла, тихонько во сне, а Нина куда-то пропала. Пару дней назад Мишке показалось, что она промелькнула в переулке, но больше он ее не видел, в квартире она не появлялась. И вот сейчас она лежит на мостовой мертвая...

Мишка стоял на улице, не чувствуя холода, пока не пришли милиционеры и не увезли тетю Нину на детских саночках, тогда он медленно двинулся по тротуару. Мишка шел по улице, и ему казалось, что если сейчас не привезти Ленчика на праздник, завтра тот умрет и будет лежать на мостовой, как убитая соседка. В школу он его буквально тащил силком, поминутно удерживая, чтобы одноклассник не упал.

Елка

Здесь уже все было готово к празднику — на втором этаже стояла елка! Так странно было видеть наряженную красавицу среди забитых фанерой окон, выломанного на топку паркета и закутанных во всевозможное теплое тряпье бледных и изможденных детей. Пусть она была неказистая: маленькая и не пушистая, но она БЫЛА! Начался праздник, открылась дверь, и в актовом зале появился... настоящий Дед Мороз.

— Ну-ка, ребятки, дружно встанем в хоровод, вместе встретим Новый год! — пробасил морозный сказочник.

Тут даже самые слабые ребята, еле-еле державшиеся на ногах и стоявшие, прислонившись к стенкам, шатаясь, пошли ему навстречу и взялись за руки. И пусть их дорогой и любимый Иван Александрович мало походил на зимнего волшебника, а борода из ваты и бинтов совсем не напоминала белоснежную бороду Деда с картинки, все были счастливы. На прозрачных лицах появилось даже подобие улыбки. А потом был праздничный обед, и каждый, пришедший на елку, получил маленькую, но самую настоящую мясную котлету с тарелкой настоящих белых макарон, а потом каждому Дед Мороз вручил новогодний подарок: пять печенек, несколько конфет и восемнадцать изюмин! Это было роскошно! Как же радовался Ленчик — он заплакал от радости,

хотя такого за ним никогда не водилось! Даже когда он падал и на нем красовались синяки и ссадины всевозможных размеров, он не плакал, а тут в его глазах стояли слезы, и, как он ни крепился, они все-таки хлынули на старенькое ребячье пальтишко. А как был счастлив Мишка, что смог привести одноклассника на праздник!

Когда первая волна радости немного схлынула, вперед вышел Витя — невысокий десятилетний парнишка. Держа в вытянутых руках кипу маленьких квадратиков бумаги, Витька начал обходить ребят, протягивая каждому новогоднюю открытку! Он застенчиво улыбался и желал всем того, о чем мечтали не только здесь, в школе, но и во всей нашей необъятной стране: «Пусть скорее закончится война!» Витя здорово рисовал. Открытки у него получились радостные, по-настоящему праздничные, на них ушли все довоенные остатки красок. Новые достать в блокадном городе было негде, вернее, выменять их можно было, но только на еду. Все всё теперь меняли только на еду — так и писали на картонках перед простынками, на которых раскладывали товары: «Меняю только на продовольствие». Только кто же решится отдать лепешку из жмыха за баночку краски?! Мама Витьки на такой обмен никак согласиться не могла, она считала — главное, выжить, а искусство можно оставить на потом. Так что он сначала краски экономил, как мог, а потом стал только карандашом рисовать. Витька был хоть и маленьким, но уже настоящим художником: его «картины» «дышали», «жили». Он иногда приносил их в школу показать. Ребятам особенно понравился один рисунок: улица, лошадь с дровнями, на них лист железа, из-под которого ступни погибшего человека выглядывают. У стены дома стоит высокий худой человек с зажатым в кулаке куском хлеба. Нарисовал все это Витька простым карандашом, но ребятам показалось, что лист железа покрыт рыжей ржавчиной, ноги погибшего сине-желтые, а на спине блокадной клячи — коричневые подпалы. Когда «Лизочка» увидела рисунок, она заплакала — грустная была картина, «срисованная» с жизни. Витька первый раз тогда мертвый оскал блокады увидел.

А вот на праздничных открытках он нарисовал то, что больше всего хотелось увидеть детям: не черные и обгорелые, а зеленые и пушистые елочки, украшенные огромными яркими шарами и разноцветными флажками, белый, чистый, а не закопченный снежок, веселые, нарядные, а не замотанные в тряпье, измученные дети. Витька не пожалел оставленных для особого случая красок, почти все потратил, но зато подарил ребятам праздник на маленьком клочке бумаги. Елизавета Федоровна, тоже получившая открытку, опять заплакала.

Проводив Ленчика до самой квартиры, домой Мишка летел как на крыльях. Забыв про холод и голод, насвистывая веселую песенку, он изо всех сил спешил к своим поделиться новогодней радостью: в противогазной сумке у него лежало целое богатство: изюм, печенье и конфеты! Правда, одну печенюшку и пять изюмин он, аккуратно завернув в серую оберточную бумагу, положил-таки в учительскую печку. Вся ватага тоже так сделала. Придешь голодный, а тут тебя еда дожидается, съешь, вспомнишь про елку и вкусный обед — вот и будет праздник продолжаться.

Сюрприз

Вечером его ждал еще один приятный сюрприз. Они сидели в своей комнатке, тесно прижавшись друг к другу, у печки, в которой медленно тлели остатки ящика от комода, удачно найденного на улице. Чтобы беречь тепло, они завесили одеялами окно и дверь и частенько вечерами все вместе читали вслух. Книги «таяли» на глазах — безжалостное пламя буржуйки пожирало их одну за другой, поэтому взяла мама за правило читать каждый день, пока еще какие-то книги в доме есть — пусть хоть что-то в головах мальчишек останется, да и голод не так донимает, когда увлечешься ро-

маном или повестью. Сказки для этого дела тоже подходили, но Мишка их не жаловал — видано ли дело в десять с половиной лет сказочками увлекаться?! За чтением время до ужина пролетало незаметно, если, конечно, студень из холодца или суп из дуранды можно было назвать ужином.

Сидели они, как обычно, слушая мамин голос, когда кто-то забарабанил во входную дверь. Сначала они не поняли, что стучат к ним, да и вообще подумали, что грохочет далекая канонада. Стук продолжался, но мама, никого не ждавшая в гости, продолжала тихонько читать «Чука и Гека». Мишка любил эту книжку, а Ванька не очень пока понимал, про что там написано, зато им обоим нравился мамин голос и то, как она читает. Мишка сидел, прислонившись к стене, обхватив руками согнутые ноги, и, закрыв глаза, представлял, как мама близнецов выскочила на улицу с ружьем и стала палить в воздух, а Чук выбежал за ней, потому что испугался, что волки, которые съели брата, напали на его маму. И вся эта катавасия происходила потому, что все искали Гека, а он в это время мирно спал в большом хозяйском сундуке. Мишка так увлекся «картинкой», живо нарисованной Гайдаром, что не сразу «вернулся» в обычную жизнь. Мама замолчала, решив передохнуть — она теперь уставала и от чтения, Ванька задремал, лежа на ее коленях, в комнате стояла тишина, даже грохот за дверью прекратился.

— Значит, точно не к нам, — тихонько сказала мама.

— Наверное, обстрел был, только далеко. Интересно — где? — подхватил Мишка.

— Неважно где, важно, что там могли погибнуть люди, — вздохнула мама.

Все помолчали. Каждый подумал, что стреляли, возможно, там, где сейчас отец, и неизвестно, чем этот обстрел для него кончился...

В это время в дверь забарабанили с новой силой, и стало ясно, что это не далекая канонада грохочет, а кто-то стучит на лестнице.

— Не-е! Не обстрел. К соседям стучат! — сказал Мишка.

— Не к кому уже стучать, — вздохнула мама, — странная штука жизнь... кто-то еще надеется увидеть своих и не знает, что видеть некого... Из всех квартир мы одни остались... Если к Петровым шли, на день только и опоздали.

Она приготовилась углубиться в чтение, но в это время стук стал походить на грохот камнепада, казалось, еще немного, и старая тяжелая деревянная дверь сорвется с петель и упадет прямо на выщербленный мозаичный пол.

— Наверное, к Петровым. Они да Васильевы еще оставались, остальные давно умерли. Но Томочку Васильеву с Надюшей месяц назад вывезли, Петя их воюет, значит, не к ним, — вслух рассуждала мама, — значит, к Петровым. Надо, наверное, выйти, сказать, чтобы зря не стучали, умерла Галина Ивановна... Вчера утром. Сегодня днем увезли, — мама, осторожно переложив на диван задремавшего Ваньку, с трудом поднялась и медленно побрела по коридору. Мишка шел рядом, поддерживая мать под руку. Открыв входную дверь, они так и застыли: на пороге стоял отец, у его ног лежал мешок.

— Живы! — отец крепко обнял мать и потрепал старшего по макушке. — Я уже не знал, что и подумать: вы не открываете, соседи молчат...

— Мы думали, не к нам, — счастливо улыбалась мать, прижавшись щекой к серой фуфайке мужа, от которой веяло холодом.

— Только что из-за Ладоги вернулся, заказ заводской сдал, вот отпустили вас навестить. Возьми, Михаил, картошку, — отец показал на мешок, — мороженая она, правда. Но что смог...

— Картошка?! — всплеснула руками мама. — Картошка, — повторяла и повторяла она, пока ставила на огонь кастрюлю, мыла и клала в нее картофелины.

— Когда сварится? — проснувшийся Ванька от нетерпения подпрыгивал на месте, то и дело заглядывая в дымящееся варево, пахнущее таким забытым и таким вкусным

запахом настоящей еды. Через полчаса вся семья собралась возле кухонного стола, на котором лежало «царское» угощение: вареная картошка, растопленное в кастрюльке замороженное молоко, целый круг которого привез отец в противогоазной сумке, печенье, конфеты и изюм со школьной елки. После этого праздника мама немного набралась сил, чтобы жить... И выжить.

Ночная встреча

А в школе в это время продолжалось обычное дежурство. Елизавета Федоровна после ежевечернего обхода примостилась на старом кожаном, вытертом многими поколениями учителей диванчике писать письмо. Огонек коптилки еле-еле освещал лист желтоватой бумаги, и писала она больше наугад, чем на самом деле различая строчки: «Не ленись писать, Натуся, хоть коротышку пришли. Сегодня ночью видела тебя во сне, очень соскучилась, мечтаю, что весной встретимся...» Она опустила ручку и живо представила, как на перрон выходит похудевшая и повзрослевшая дочь. Не верилось, что на Московский вокзал, такой мрачный и пустой, снова будут приходиться поезда...

Она так погрузилась в мечтания, что не сразу услышала не то писк, не то скрежет. Когда странный звук повторился, Елизавета подняла голову и прислушалась. «Что это может быть?» — подумала женщина без тени страха — за несколько военных месяцев он притупился, уступив место осторожности и какой-то «звериной» интуиции. Вот и сейчас это самое «шестое» чувство подсказывало ей, что этот кто-то, издающий странный звук, опасности не представляет. Елизавета Федоровна подняла повыше коптилку и начала вглядываться в ночной мрак, пытаясь рассмотреть, кто производил скрежешущий писк. В это время звук затих, и она решила, что он ей почудился. Но как только она поставила лампу рядом с собой и окружающий мир погрузился во тьму, скрежет снова послышался. Ночная дежурная начала обходить учительскую, внимательно осматриваясь по сторонам. У печки она остановилась и прислушалась. Звуки доносились оттуда. Ночью печка не топилась, дров было мало — экономили. Дежурные согревались под большим тулупом или ходили взад-вперед по коридору, чтобы совсем не замерзнуть. Подняв лампу, она подошла к печке вплотную и увидела устремленный на нее взгляд. Возле дырки, прогрызенной в стенке буржуйки, сидела крыса. Худая, с облезлой шерстью, с ярко-черными бусинками глаз и быстро двигающимся носом, она настороженно замерла рядом с добычей — у ее лапок лежала спрятанная кем-то из ребят печенюшка. Елизавета настолько растерялась от неожиданной встречи, что даже не стала мешать неожиданной «гостье» уйти, унеся с собой «награбленное». Крыса растворилась во мраке ночи, а женщина еще долго стояла и думала — не померещилась ли ей эта встреча. В городе давно съели всех собак, кошек, замерших от мороза птиц и даже крыс. Сначала с улиц пропали все бродячие и бездомные животные, затем начали исчезать и домашние питомцы: случайно выскользнувшие из дома кошки и отправившиеся по своим собачьим делам четвероногие «сторожа». Потом началась охота на птиц и крыс. Откуда же здесь взялось это существо? Внимательно осмотрев печку, и убедившись, что прогрызенная в железе дыра существует, Елизавета Федоровна поняла: крыса ей не померещилась, животное на самом деле «приходило» на «огонек».

Марьянна

На следующий день «Лизочка» увидела мальчишек, оставлявших еду в печке, только днем. Утром опять был налет, никто не учился, но потом они все равно пришли в школу — вдруг какая помощь кому потребуется, тогда-то ребята и услышали о ночной встрече.

— Надо ее выследить и убить! Давайте скажем Иванычу, он разберется, — предложил Данька, — она еду крадет, к тому же крысы — это плохо, заразу разносят, и вообще...

Он оглядывал лица ребят, ища поддержку своего предложения. Но все почему-то молчали. Через несколько томительных минут заговорил Мишка:

— Мы Мурка хотели усыпить летом, а потом решили, пусть с нами доживает, он же у нас пятнадцать лет жил... Вначале еще была рыба с водой, а потом он все время голодный ходил, хотя даже студень из столярного клея есть научился.

— И как он сейчас?

— Умер... ночью... на прошлой неделе...

— А у нас лайка пропала. Я не уследил за ней, она на улицу сбежала, — негромко сказал Севка, — вообще-то, она и раньше убегала, я тогда подумал — вернется...

Севка замолчал. Ребята выжидательно смотрели на него. Незаметно шмыгнув носом и слегка отвернувшись от друзей, он закончил:

— Не вернулась. На собак сейчас настоящая охота... А тут лайка. Она ж большая.

— Ой! Я недавно объявление смешное видел, прямо на столбе фонарном висит: «Меняю кошку на три плитки столярного клея», — сказал Мишка.

— Какое же оно смешное? — нахмурился Вовка. — Оно страшное, если люди могут вот так живое существо на клей поменять... Еду на еду. Жутко.

Все помолчали, задумавшись.

— А у нас Барс еще летом, в самом начале войны трагически приземлился с четвертого этажа, — неожиданно поддержала разговор стоявшая рядом с ребятами «Лизочка». Заметив недоумение на лицах, она уточнила: — Это в августе было, мы тогда еще в своей квартире жили. Мы позже сюда, в пристройку, переехали, чтобы силы экономить, да и пользы для школы больше можем принести, когда в ней живем. В общем, кот наш тогда сильно расшибся, бедный, ходил со страшно распухшей щекой и носом, был похож на больного флюсом, часто-часто чихал и жалобно хрипел. Но могучая природа совершила чудо, и стал наш Барс таким же веселым, как был, только еще более ненасытным. Ой, а какой же он был мухолов отменный да и блоховод образцовый!

Мальчишки улыбнулись, а Севка спросил:

— А где он сейчас?

— Умер, — тихо ответила Елизавета Федоровна, — летом он еще получал рыбки головы, когда удавалось у рыбаков леща купить, да и осенью ему хоть что-то съедобное перепало, а зимой... — она махнула рукой и отвернулась, как недавно Севка.

— А давайте не будем «печной» крысе зла причинять, — неожиданно сказал Вовка.

— Как это? Она ж грызун и наши куски ворует, — нерешительно протянул Даня.

— Она переживает столько же горя и лишений, как мы... Конечно, она не может понять, во что превратился наш красивый город, не может знать, как это — терять друзей и родных. А мы многих уже потеряли... Но она — живое существо, значит, должна жить, — горячо закончил Вовка и внимательно посмотрел в глаза каждому. Из всей ватаги не было пока почему-то только Олега.

— А что, правильно, — неожиданно поддержал старшего друга Мишка, — пусть живет. Ей, наверное, совсем плохо, если к людям пойти не побоялась.

— Ну, в общем, да, наверное, вы правы, пусть, — Даня хоть и с некоторым сомнением в голосе, но все-таки согласился с Вовкой.

— Надо всем сказать — пусть никто ее не трогает, главное, Иваныча предупредить, — подытожил Севка, — а то начнет на нее охоту.

Все заулыбались, представив, как ворчливый завхоз с кочергой наперевес гоняется по всей школе за крысой.

— Слушайте! Ну послушайте, чего скажу, — Мишка от нетерпения подпрыгивал на месте, — давайте ее назовем! Имя придумаем.

Все недоумевающе уставились на Мишку.

— Ну чего вы какие... непонятливые?! Ну у всех же животных, ну вот как у наших домашних, клички есть, ну были. А она ж теперь тоже вроде наша, ну не домашняя, школьная, но какая разница?!

— Ну ты, брат, загнул! — рассмеялся Севка.

— Скажешь тоже, школьная, — поддержал друга Даня. А Вовка почему-то не засмеялся. Он немного помолчал, а потом сказал:

— А ведь точно. Она теперь наша, школьная. Какая-никакая, а живая душа, как... как... как домовой! Во! Точно! Они как будто дома раньше хранили. Мне бабушка в деревне про таких рассказывала.

— Никаких домовых не бывает, это все враки, которые выдумывают темные люди, — возразил Севка.

— Моя бабушка очень хороший человек была. И никакая не темная!

— Ладно вам. Еще не хватало из-за какой-то ерунды поспорить, — решил погасить намечавшуюся ссору Данька. — А ты бы как ее назвал? Крысу нашу? — повернулся он к Мишке.

Тот немного растерялся от сложности неожиданно возложенной на него задачи, а потом, выпалив: «Марьванна!», с довольным выражением на бледной физиономии победно посмотрел на товарищей.

— Как? — не сговариваясь, дружно переспросили все.

— Марьванна! — торжественно провозгласил Мишка.

— А что? — улыбнулся Вовка. — Годится. Она вроде как сторож при школе, а для сторожихи имя очень даже подходящее.

Чудеса

В это время к ребятам подошел Олег с таким странным выражением лица, что все тут же стали внимательно вглядываться в его прямо-таки светившуюся физиономию, стараясь проникнуть в «тайну» восторга.

— Ты чего такой довольный? — Данька первым решился задать вертевшийся у всех на языке вопрос.

Олег, улыбаясь, смотрел на друзей, переводя взгляд с одного почти прозрачного лица на другое, и молчал. Потом он тряхнул головой, словно пытаясь избавиться от радостного оцепенения, и наконец обрел дар речи.

— Ребят, со мной чудо произошло... Настоящее. Я не знал, что они случаются. А оно вдруг случилось!..

— Объясни толком, не тяни, интересно же, — сердито проворчал Мишка.

Олег начал рассказывать:

— Мне дядя Витя, ну Олежкин батя, сказал, что талон на масло даст из своего пайка рабочего, чтоб мы отоварили. Я сегодня утром к нему на завод пришел, он талон вырезал, я его в варежку сунул и обратно двинул, а тут налет... сильный. Озверел немец-то...

— Ой, налет нынче жуть был, мы с мамкой и Ванькой даже в подвал спустились. А мы давно уже туда не ходили, — вставил Мишка. Он еще что-то хотел добавить, но ребята замахали на него руками, и он, несколько не обидевшись, замолчал. Олег продолжил:

— Я в подворотню заскочил переждать, как налет закончился, домой пошел. Иду, и вдруг меня как молния прожгла: талона в варежке не чувствую! Варежку снял, а талона и правда нет! Я вокруг пошарил, посмотрел — нигде не валяется! Как домой теперь идти? По нему ж целых сто грамм масла постного получить можно!

— Ничего себе, — присвистнул Мишка, — это ж целое богатство! Когда у Сашка день рождения был, он буханку хлеба получил — мамка на два платья и кофту с юбкой выменяла, я еще тогда подумал: мне так никогда не повезет! А тут сто грамм масла! Я б за один присест съесть мог.

— Да погоди, не о тебе речь, — оборвал Мишку Вовка, — и что же ты сделал? — повернулся он к Олегу.

— Стою и думаю: как матери и Олежке после такого в глаза смотреть? Нет, думаю, без талона домой не вернусь, лучше на улице замерзну. Поплелся обратно, на снег смотрю, а сам говорю... — тут Олег понизил голос и, стараясь не смотреть в глаза друзьям, тихо сказал: — Вы только не смейтесь, я прямо в голос сказал: «Господи! Если ты есть — я найду!»

Ребята, не говоря ни слова, во все глаза смотрели на друга.

— Ну и? — прервал затянувшуюся паузу Мишка.

— Нашел! Сразу. На снегу лежал. Там под ним место светлее было, чем вокруг. Я его потому и увидел. А я ведь не верил... в чудеса. Не знаю, может, зря я так просил помочь, ну сами знаете кого... Но талон-то нашел.

Он посмотрел на друзей, все потрясенно молчали. Потом Севка сказал:

— А нам карточки принесли, которые мамка потеряла. Мы думали — всё, а через день стук в дверь. Открываем, стоит военный, козыряет и отдает нам наши карточки — на них адрес написан был, вот он и принес.

— Нам тоже повезло, — начал Данька, и все тут же повернулись в его сторону. — Мать приходит с работы и таким бодрым голосом объявляет: «Я карточки потеряла. На месяц».

— Ничего себе, — присвистнул Мишка, но, получив тычок в спину, умолк.

— Она молчит, и мы молчим. А чего говорить-то? И так все ясно — помирать будем, продавать уже нечего. Утром я стал в шкафу книгу искать, не знаю, чего меня вдруг на чтение потянуло. Полез я за «Емельяном Пугачевым», это которого Шишков написал. Вот если бы не за этой книгой полез, ничего бы хорошего не случилось, а тут я «Пугачева»-то достал, смотрю — а у самой стенки мешочек какой-то лежит. Я думаю, что за мешок? Я на полку ничего не клал, никаких мешков, я точно помню. Открыл, а там фасоль. Матери сказал, а она плечами пожимает: не клала туда, говорит, никакой фасоли и вообще ничего не клала. Думали-думали, надумали, что, может, соседи оставили, кода эвакуировались, а может, это... как ты сказал — чудо. Не знаю, но месяц тот мы как-то пережили.

Всем давно было пора расходиться по домам, но друзья медлили, словно боялись, что если они сейчас уйдут, то чудеса в их жизни почему-то кончатся.

Жизнь продолжается

Через пару недель Марьянна совсем освоилась и стала приходиться «погреться» у печки даже днем. Ее никто не обижал, а некоторые даже угощали крохами от своего обеда. Она неторопливо подходила к печке и останавливалась возле нее, поджигая то одну, то другую лапку, ее подвижный нос втягивал окружающие запахи, а голова быстро двигалась в разные стороны. Ребята смотрели, как она съедает угощение и, немного погревшись, исчезает в сумраке коридора. За все время они так и не смогли понять — откуда появлялся и куда исчезал этот школьный «питомец». А еще через пару недель Марьянна осмелела настолько, что пришла «в гости» не одна. За ней шел, пошатываясь на тонких лапках и волоча за собой худой, лысый хвост, крысенок. Все обрадовались ему, как младшему брату! Для ребят это было сродни чуду: в голодном, насквозь промерзшем блокадном городе среди бомбежек и смертей еще появлялись на свет живые существа! Мать с гордостью смотрела на своего детеныша и с опа-

сением — на обступивших их людей, но те только улыбались. С этого времени они так и стали вместе приходить «на огонек» — Марьванна и Марьванчик, как его назвал кто-то из ребят.

После Нового года налеты участились, и десятиклассники, поговорив с Иваном Александровичем, решили перейти на «заочку». Они, не прекращая днем дежурств на крыше и работы в госпитале, вечерами проходили материал сами, а в школу приходили только сдавать пройденные темы. Как же им хотелось учиться! Но война диктовала свои законы. В школе продолжали заниматься, хоть и не каждый день, другие классы, по три разных в одном помещении. Только на уроки литературы приходилось ребятам ходить в пристройку, к Ивану Афанасьевичу, одному из самых любимых всей школой учителей. Он совсем сдал, врачи нашли у него что-то с легкими, и он теперь совсем не выходил на улицу, но это вовсе не значило, что он не мог и не хотел учить! Его уроки проходили легко и интересно, пролетая как одно мгновение.

— Проходите, проходите, мои юные книголюбы. Располагайтесь. Ну те-с, о чем мы сегодня поговорим, что обсудим? Мне бы очень хотелось понять, как вы продумали образ Иудушки Головлева. Не находите, что он напоминает кого-то из знакомых нам с вами людей?

Ребята переглянулись.

— Вроде бы нет, — не совсем уверенно протянул Олег. Остальные просто кивнули.

— А почему так неуверенно? — улыбнувшись, спросил Иван Афанасьевич, полулежа в старом высоком кресле, единственном перенесенном из старой квартиры. — Свою точку зрения надо уметь отстаивать и защищать.

На прощание уже у двери Иван Афанасьевич своим задушевным, тихим голосом сказал: «Читайте. Читайте, это лучшее, что вам сейчас остается, читайте и думайте побольше. Мне тоже хочется читать, но с той коптилочкой, которая у нас есть, много не начитаешь». Потом он сунул им в руки по куску белой булки.

— Не французская, конечно, но все-таки.

— Нет! Нет! — в один голос начали отнекиваться ученики. — Мы не возьмем! Это — вам!

— Мне врач прописал, я это теперь как лекарство принимаю, но лекарств много вредно принимать, — лукаво улыбнулся учитель и продолжил: — И хлеба нам теперь хватает, даже остается, пайки увеличили, — после чего решительно вложил хлеб в руки ребят. Те, не в силах отказаться, осторожно переспросили:

— Остается? Не может быть.

— Может, еще как может. У нас теперь карточки, как у рабочих, да еще Елизавета Федоровна «огород» на окне развела, витамины выращивает, вот видите, — он показал на подоконник, где в горшках пробивалась чахлая зелень укропа и салата, — так что берите и идите домой... Читать! — тут он снова улыбнулся и добавил: — «Тараса Бульбу» надо осилить, мы с вами обязательно его обсудим.

Ребята, спускаясь по лестнице, оглянулись — бородатый учитель литературы (он теперь, как почти все мужчины, редко брился) с улыбкой смотрел им вслед и приветливо махал рукой.

Смерть

В город начала возвращаться весна, а с нею надежда на скорое окончание голода и холода. Даже дома теперь не казались такими серыми, мрачными и стылыми, около них показалась совсем еще маленькая травка, правда, вырасти ей особо не давали — тут же выдергивали на обед. В один из таких солнечных апрельских дней от сердечного приступа, прямо на уроке, в комнате с высоким креслом, умер Иван Афанасьевич.

— Он нам отрывок из «Тараса Бульбы» читал, потом как-то странно на нас посмотрел, и все... Я думал, что уже привык к смерти, — первым заговорил Вовка, когда друзья, в последнее время редко встречавшиеся, собрались во дворе школы, потрясенные этой новостью, — и уже не буду сильно переживать. Оказалось...

— Будешь, — подхватил Олег-старший, — мы все... будем. И не только мы. Он до войны кружки разные вел, литературные. Его многие любили. Ему Ольга Берггольц, между прочим, книгу своих стихов подарила в благодарность с надписью!

— Она же поэт настоящий! А обычному учителю книгу свою подарила, да еще с благодарностью! За что? — удивился Даня.

— Да! Почему ему? — спросил Вовка.

— Потому что она тоже у него в кружке занималась. Он учителем был настоящим, поэтом и она стала настоящим поэтом...

— А вы знаете, что Иван Афанасьевич даже директором школы когда-то был? — вступил в разговор Мишка. Все повернулись к нему и недоуменно пожали плечами.

— Ты ничего не путаешь? — с сомнением переспросил Вовка.

— Не-а! Я сам слышал! — гордо возразил Мишка. — А еще слышал, — тут он понизил голос, — что он учился там, где, ну, навряде как на попов учат, учили раньше, вот...

— Ну тут ты точно чего-то напутал! — рассердился Вовка. — Думай, что говоришь!

— Ничего я не путаю! — буркнул Мишка и отвернулся, всем своим видом показывая высшую степень обиды.

— Это ж надо такое наговорить, — не унимался Вовка, — да на хорошего человека!

— Вот именно, на хорошего. А если он такой замечательный был человек, каким мы его знали, какая разница — где он учился?! — веско возразил Олег-старший.

— Олечка прав, — поставил точку в споре Севка.

— Слушайте, — опять заговорил главный «разносчик» новостей, — а вы Марьванну давно видели?

— Вообще-то, нет, — после небольшого раздумья ответил Олег.

— Вот! Я ж говорю, нету ее, не видно нигде, и Марьванченка тоже нет. Сгинули. А мне даже жалко... вроде как друга потеряли, что ли.

— Ну да. Как будто не хватает чего-то, — согласился Вовка, остальные закивали в знак согласия: все так привыкли к «школьным» питомцам, что без них стало грустно.

— Жалко Марьванну, только Ивана Афанасьевича жальче, — голос Вовки дрогнул. В это время к ребятам подошел «Папанин»:

— Сева, мне только что сказали... Софья Освальдовна умерла.

У Севы потемнели глаза и еще больше заострились скулы.

— А она чему учила? — спросил любопытный Мишка.

— Немецкому, — ответил Сева сдавленным голосом. — У меня проблема была с языком, она со мной занималась. Она была... очень хорошая... добрая, но требовательная. Благодаря ей я быстро всех нагнал. Она объясняла четко.

— Она же немка была, — вскинулся Данька, — ее не жалко! Я много плакатов видел: «Убей немца!» Ну, убивать ее, конечно, не надо было, но и жалеть тоже!

— Она была советским человеком, — спокойно перебил его Иван Александрович, — честным и светлым. Ее приютила семья Анечки Рындиной, хоть их оказалось пятеро в одной комнате, но они смогли поделиться с пожилой учительницей и физическим, и душевным теплом.

Он повернулся к Даньке:

— Неужели вы, молодой человек, считаете, что профессор Рындин не разбирался в людях? Или не видел плакаты? Если бы не эта семья, Софье Освальдовне, красному человеку и учителю, негде было бы жить... Жаль, что теперь мы потеряли

двух в высшей степени порядочных людей. Профессора Рындина, к сожалению, уже тоже нет.

Все помолчали. «Папанин» продолжил:

— Запомните, ребята. В любой ситуации надо прежде всего оставаться человеком...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ХУДОЖНИК

Дистрофия

Витька взял карандаш и, внимательно вглядываясь в фигуру отца, лежащего на диване, стал набрасывать штрих за штрихом. Внезапно сердце жгала неясная тревога, неприятное чувство слабости, ставшее привычным за эту зиму, перешло в легкое потрясывание. Все его существо пронзило нехорошее предчувствие. Витька словно впервые увидел ослепительно-белую кожу, с синими прожилками вен, глубоко запавшие глаза, горящие нездешним светом, резко обострившиеся черты родного лица. Отец первым из всей семьи начал сдавать, приходил с работы и тут же ложился на диван — экономил силы. Вот и сейчас он лежал, безучастно глядя в потолок, а чтобы перебить чувство голода, курил. Вся семья давно перебралась жить на кухню — к самому теплomu месту в квартире — печке, да и окна в ней выходили на север, а значит, вряд ли сюда залетит снаряд или осколок. На случай, если фашистские танки прорвутся на улицы, мать возле дровяного короба поставила три бутылки с горючей смесью.

Витька рисовал, стараясь с максимальной четкостью передать самую незначительную деталь одежды, самую крошечную черту родного человека. На белый лист настоящей, довоенной еще бумаги ложились точные и четкие контуры карандашного рисунка. Вот на нем появились сколоченные из досок нары, на которых лежит безучастный ко всему отец, держащий в исхудавших пальцах папиросу и разглядывающий свои руки, обтянутые тонкой, бледной кожей. Витька рисует, а внутри вибрирует тонкая струна страха потери. Он смотрит, словно пытаясь навсегда запомнить заострившиеся черты отцовского лица. В квартире тишина: соседей давно нет, он вспомнил, как в комнате справа месяц назад умирала «последняя» соседка — немолодая учительница Анна Степановна, Витька сбегал за ее мужем, его отпустили с завода попрощаться. Вообще-то, это было не принято, но ради такого дела. Иван Федорович всю ночь сидел у постели жены, о чем они говорили — никто не знал, но утром лица у обоих были такие счастливые. Через два дня Витькин отец увидел Ивана Федоровича мертвым, а еще через неделю умерла Анна Степановна. Молодые соседи из комнаты слева уехали по «Дороге жизни» еще зимой. Им повезло...

Витька спешил быстрее закончить работу: скоро вернется мать и поведет отца в больницу. Она уже сходила на Мойку, где в Доме учителя расположилась больница, и договорилась, что его туда положат.

Устав от рисования, Витька, растер уставшие пальцы и ободряюще улыбнулся отцу:

— Скоро мама придет.

И словно в подтверждение его слов, в замке повернулся ключ. Мама зашла на кухню, выложила на стол все, что удалось отоварить по карточкам. Отец следил за ее руками, не делая попыток подняться с нар и сесть к столу. Мать, сдерживая слезы, подошла к его постели, присела на краешек и, погладив по прозрачной и холодной, как лед, руке мужа, тихо сказала:

— Пойдем. Там тебе помогут. Идти не очень далеко. Мы тебя будем ждать, правда, Вить?

Витька, сглотнув подступивший комок, кивнул. Он стоял и смотрел, как мать с отцом, поддерживая друг друга, медленно спускаются по лестнице. Нехорошее предчувствие опять сжало сердце, но Витька постарался отогнать дурные мысли. «Отец вернется, ему помогут, его вылечат, не может быть, чтоб не помогли», — думал он, вновь берясь за рисунок, который назвал «Дистрофия». Пока он почти автоматически дорабатывал рисунок, делая более отчетливыми кухонные стены, нары, стол, печку, и слегка подправлял фигуру отца, вернулась мать. Он не села, а почти упала на старый стул у стола — так ее измотала дорога до Дома учителя и обратно до квартиры. Витька, не говоря ни слова, присел на пол и уткнулся в колени матери. Так они и просидели до самой ночи...

Трамвай

А в город возвращалась весна...

— Смотри, смотри, трамвай! Настоящий! Смотри, как блестит — видать, только покрасили! Нет, ну это ж надо — трамвай! По рельсам идет. Как будто никакой войны нет и он бомбежки не боится! — Мишка от возбуждения так размахивал руками, что прохожие невольно оборачивались и улыбались его горячности.

— Чего ты раскричался? При чем тут бомбежка? Когда тревогу объявят, он в депо уйдет. Но вообще, да — здорово! Трамваи пошли! Может, война скоро кончится?! — пытался урезонить друга Вовка, сам незаметно заражаясь его бурной радостью.

Они стояли и зачарованно смотрели, как, грохоча на стыках рельсов, сверкая новенькой краской, железный символ мирной жизни поворачивает с Греческого проспекта к Мальцевскому рынку. На остановке стояла худенькая, почти прозрачная девушка, в ватнике, темной юбке до колен, перетянутая ремнем от противогаза.

— Ира, что ли? — толкнул Вовка друга в бок.

— Не. Не она.

— Да она же, точно она!

— Не она это! Другая какая-то!

— Сам ты другая, она!

— Да нет же! Слушай, а тебе, вообще-то, какая разница — Ирка или не Ирка? О-о-о... Влюбился? — окончательно развеселился Мишка и многозначительно подмигнул Вовке, выразительно поглядывая в сторону девушки на остановке.

— Хватит глупости говорить! Ничего я не влюбился. Между прочим, война, ты забыл, что ли, на радостях? — сердито одернул не в меру развеселившегося друга Вовка.

— А если б не война? Втюрился бы? Ирка красивая. Она всем нравится.

— Ты откуда знаешь?

— Да так... Вижу.

— Ты за собой лучше смотри, глазастый! Пошли, болтун! — Вовка потянул Мишку за рукав и почти потащил его в сторону школы. — Пошли, может, ребят сегодня увидим — Севку с Данькой. Они вроде прийти обещали.

— Да иду я, иду, чего ты меня тащишь?! — возмутился Мишка, а потом хитро добавил: — Втюрился-втюрился. Это ж всегда видно! — и, на всякий случай отпрянув от друга, бодро зашагал в школу.

Витька все это время стоял напротив остановки и тоже смотрел на выворачивающего из недр улицы грохочущего железного коня и на девушку на остановке. Он уже знал, как назовет свой новый рисунок: «Возвращение трамвая». Погревшись еще немного на скудном майском солнышке, он поспешил домой — поделиться впечатлениями с листом знаменитой гознаковской бумаги. Ее было совсем мало, поэтому Витька тратил «богатство» только на такие — серьезные — рисунки. Дома он сразу же сел

за работу. Когда пришла мама, она долго рассматривала трамвай на рельсах, девушку, подставившую запрокинутую голову теплomu ветру, худых, изможденных, но улыбающихся людей на остановке. Чем больше она вглядывалась в рисунок сына, тем больше в ней крепла надежда, что все будет хорошо, такой неподдельной верой и светом от него веяло.

Письмо

Школа в это время жила своей привычной военной жизнью: «Лизочка» после обхода опять писала Натусе письмо. Представляя встречу с дочерью, она старательно выводила: «Постарайся быть такой же, какой была: милой, культурной, так больно будет, если вернешься грубой, озлобленной. Правда, война нас всех изменила, многому научила, но и многих озлобила, вывернула все скрытое: грубость, некультурность, зависть. Некоторых теперь не узнаешь, так они изменились...»

Она попыталась представить, какой стала дочка, какого она роста, какой у нее голос. Когда-то они обязательно встретятся, не могут не встретиться, и пусть, может, жить они будут в каком-то другом городе, разве мало у нас в стране замечательных городов, главное, что они будут вместе. Лишь бы дождаться этой встречи. Лиза даже от самой себя пыталась скрывать — как тяжело ей приходится одной, совсем одной в огромном Ленинграде, потому-то все дни и вечера, а частенько и ночи она проводила в школе. Нет, она не заплачет, хоть и очень хочется, она даже жалеть себя не станет — раскисать нельзя. Помотав головой, словно это помогало отогнать тоску, Лиза снова принялась за письмо: «Этот год многое взял у нас, но и многое дал, научил ничего не бояться, ни труда, ни холода, ни голода, все можно преодолеть, было бы упорство, желание перебороть все, будем же упорны и терпеливы, и все у нас будет хорошо». Она зябко повела плечами и, подойдя к окну, отодвинула завесу — крыши соседних домов уже тронул рассвет, рождался новый блокадный день.

Выпускной

В июне в школе начались выпускные экзамены. Да, их было мало, но весь десятый класс сдал их успешно, все восемнадцать ребят! Конечно, чего было бы не сдать математику Даньке — победителю городской олимпиады сорок первого года? Но и все остальные тоже не подкачали, несмотря на бессонные ночи в госпиталях да «заочную» учебу между тушением зажигалок. После последнего экзамена все вместе пошли в филармонию послушать «Итальянский концерт» Чайковского.

— Как мало музыкантов осталось. Оркестр совсем маленький стал... — всегда сдержанная и строгая Ира вышла из зала с повлажневшими глазами.

— Но слушать-то их все равно здорово было! — Севка для убедительности «рубнул» рукой воздух. Все согласно закивали. Музыка, подарившая им несколько сказочных минут и заставившая на время забыть о войне, голоде и бомбежках, еще долго звучала в их душах и головах.

А через два дня был выпускной бал. Самый настоящий, с торжественным вручением аттестатов, танцами и даже маленькими бутербродами с давно забытым вкусом настоящего хлеба и неизведанным вкусом красной икры.

— Смотри, мне билет дали, пригласительный! Солидно, да? — веселился Севка, помахивая перед Данькой кусочком бумаги, на котором были напечатаны удивительные для военного хаоса слова: «Дорогой друг, приглашаем тебя на выпускной бал, который состоится в школе № 157, по адресу: улица Пролетарской Диктатуры, 1А».

— Чего кричишь? Мне такой же дали! — Данька в ответ помахал перед носом друга светленькой бумажкой. — Эх, жаль, костюмчика подходящего нет. Из всего вырос, а новый где сейчас возьмешь? Да и выменять не на что.

— Такая же ерунда, — подтвердил Севка и беспечно махнул рукой, — ну и ладно, так сходим. Интересно, девчонки в платьях придут?

— Не. Вряд ли, — протянул Даня.

— Жаль. Красиво было бы... По-мирному, — вздохнул Севка.

— Вот после войны и наденут, — рассудил Даня и добавил: — Ладно, пошли, на крышу пора, рано размечтались. До вечера еще дожить надо.

Для кого-то этот бал стал днем прощания с юностью, для кого-то — последним передфронтowym днем. Даньку с Севкой на фронт провожала вся ватага. Витька вдруг вспомнил, как осенью прошлого года Майя, смешная, белобрысая девчонка из его класса, провожала на фронт отца. Перед глазами так и стояла врезавшаяся в память картинка: развевающееся на ветру красное знамя, ряды ополченцев с узлами на плечах, сзади всех двое с разобранным пулеметом «Максим». Командир спешно произносит дежурные слова напутствия, и колонна выходит со двора. Рядом семян женщины и дети, тихонько поскуливающие от страха потери родных людей. Почти так же проводили и вчерашних десятиклассников. А в городе уже всю разгоралось лето.

Водопроводчики

— Папа умер, — каким-то неожиданно чужим голосом сказала мама, непривычно рано вернувшись из больницы. За окном стоял обычный летний вечер, заходящее солнце золотило дома, делая мир изысканно-красивым. Мир, в котором теперь не было самого родного человека. Как ни крепился Витька, как ни старался держаться настоящим мужчиной, слезы предательски полились на заплатанную кофту. Он стоял, глядя в стену, сжимая кулаки и даже не делая попытки их вытирать. Весь вечер они с матерью смотрели Витькины картинки, особенно долго вглядываясь в рисунок, где он последний раз запечатлел отца, лежащего на нарах с зажатой в руке папироской.

— Мам, я работать пойду, — негромко сказал Витя, когда все рисунки были рассмотрены и сложены в большую синюю папку.

— Тебе учиться надо, — всплеснула руками мать, — я сама еще куда-нибудь устроюсь, проживем.

— Нет, мам, я уже все решил. Учебы все равно пока никакой нет, а я теперь единственный мужчина в семье. Ты и так из последних сил выбиваешься.

Мать промолчала, теребя упрямый завиток волос, который так любил целовать отец.

На следующее утро Витька прямоком направился к дяде Мише — водопроводчику. Катя, его дочка и Витькина одноклассница, рассказывала, что отец жаловался, как трудно ему одному справляться:

— Ить как много накопилось за зиму работы — трубы-то все полопались, их чинить надо, а кому чинить?!

Катя горестно, по-взрослому, вздыхала, подражая отцу. У нее выходило это так смешно, что ребята в классе не могли удержаться от улыбок. Вот к однокласснице Витька и отправился в надежде найти работу. Дяди Миши дома не оказалось, но Катя, узнавшая, по какому делу он пришел, тут же вызвалась отвести к дому, в подвале которого работал отец. Оказалось, что это не так уж и далеко. Они шли с Катькой, греясь на щедром солнышке, обсуждая учебу и то, кто кем станет, когда закончится война. Витька непременно хотел стать большим художником. Он мечтал о светлой просторной мастерской и грезил о вывеске «Персональная выставка Виктора Сидорова».

которая обязательно когда-то появится над крыльцом выставочного зала. Мечты Кати ограничивались педагогическим институтом, очень уж ей хотелось, чтобы рядом было много детишек, у нее-то у самой братьев и сестер было немного — всего двое, да и тех уже не стало за первый военный год. За разговорами время пролетело незаметно, вот уже и подвал, в котором работал водопроводчик.

— Папа! Я тебе подмогу привела! — прокричала Катя в глубину черного подвала, откуда через несколько минут показался дядя Миша. Он обрадовался неожиданно помощнику и даже пообещал оформить «по-взрослому» — тогда Витька сможет получать «рабочую» карточку!

На следующее утро, натянув на себя отцовские резиновые сапоги и ватник, болтающийся на слишком худом мальчишеском теле, будущий большой художник пошел на работу. Солнце еще не начало припекать, шагалось легко и весело — все-таки это был его первый рабочий день! Если бы не война и рядом шагал отец, Витька был бы самым счастливым человеком на свете. Спустившись в подвал, он поразился, сколько там было воды и какой там стоял смрад. Да, именно «стоял»: от него слезились глаза и перехватывало дыхание.

— Дядь Миш, а почему здесь так пахнет?

— Эх, сынок, тебе теперь часто придется этим дышать — трубы-то зимой не только водопроводные полопались, канализация тоже потекла, и в подвалах все осталось. Это еще повезло, что здесь обычная вода на полу. А пахнуть и мертвяками может — видать, тут зимой «хоронили», а весной всех сразу ж разве увезешь? Ты на лицо ватник накинь, пока не попривыкнешь. Пойдем протечку искать.

Медленно, почти на ощупь, продвигаясь по подвалу, они простукивали, «прослушивали» трубы, пытались найти лопнувшую. Первым увидел трещину Витька.

— Вот что значит глаза-то молодые! Сразу нашел, я бы сам еще долго копался, — добродушно улыбнулся дядя Миша и начал показывать, как затянуть хомут: — Смотри, паря, на глазок прикинуть надо размер трубы, чтобы хомут правильный взять. Оно, конечно, можно и ошибиться и с не того начать, однако время идти будет, а у нас еще, ох, много починки — люди воду ждут!

Дядя Миша, покопавшись в большой сумке, вытащил хомут нужного размера и, ловко «накинув» на треснувшую трубу, начал затягивать болты.

— Тут главное не переусердствовать, лишку затянешь — лопнуть может, но ежели плохо затянуть — течь будет, и вся работа прахом пойдет.

К концу рабочего дня Витька сам отремонтировал две трубы, правда, «дозатягивать» хомуты пришлось все-таки дяде Мише: у мальчишки не хватало сил. Поднявшись из подвала и вдохнув полной грудью летний воздух, он пошатнулся: закружилась голова.

— Ну, паря, с боевым крещением тебя! Завтра будем фановые трубы менять. Ну давай двигай домой, матери поклон передавай.

Витька на гудящих от усталости ногах шел по улице, кутаясь в ватник: в подвалах было холодно и сыро, и он никак не мог согреться в лучах заходящего солнца. В начале улицы показались Мишка с Вовкой. Они шли ему навстречу, о чем-то оживленно беседуя и усиленно размахивая руками. Витьке вдруг стало стыдно за свои большие, не по размеру, отцовские сапоги и пропахший нечистотами ватник, и он быстро свернул в первую попавшуюся подворотню. Друзья прошли мимо, не заметив или не узнав его.

Дома Витька первым делом сел за рисунок, даже от ужина — холодца из столярного клея с хлебом — отказался. Новая картина будет называться «Водопроводчики сорок второго». Он старался до мельчайших подробностей запечатлеть подвал, оза-

боченное лицо дяди Миши, трубу с подтеками ржавчины и себя самого, пытающегося затянуть свой первый в жизни «хомут».

Сколько их еще надо будет затянуть, сколько надо будет поменять фановых труб, а сколько запаять и прочистить — он даже представить себе не мог!

Слова

«Немного позавидовала творогу, мы его не видели с августа. Хлеба нам хватает, но плохо, что нет овощей — болеем цингой», — выводила новые строчки Елизавета Федоровна, оставшись на очередное дежурство. Дома одной было очень тяжело, поэтому она старалась побольше «взять» дежурств: и людям польза, и ей не так тоскливо. Про смерть папы она Натуське так и не смогла написать, только про бабушку отважилась, которая умерла у чужих людей и к которой она так и не смогла прийти, потому что болела. «Живи спокойно, не грусти, — писала „Лизочка“, как ее ласково называли между собой ребята, — всем грустно, всем тяжело. Может, скоро будет конец, скоро увидимся, а может быть, я приеду к тебе, и будем мы там жить». Лиза горестно вздохнула и, закрыв глаза, опустила голову на руки. Сейчас, конечно, гораздо легче стало, она даже поправилась! Зимой весила сорок шесть, а сейчас пятьдесят пять — прогресс налицо, хотя все равно осталась «серенькой» — худющей и с седыми волосами.

Как же хочется, чтобы скорей уже наступил этот самый «конец», как невыносимо тяжело жить одной на всем белом свете, когда никого близкого рядом нет! Она вспомнила, как, по меткому выражению Ивана, «поваркивала» на него зимой, потому что очень уставала. Если бы муж был жив, сейчас она так ни за что не поступила бы. Почему мы так редко думаем о том, что, возможно, когда-то пожалеем о своих словах и поступках? Погрустив еще несколько минут, Лиза взяла себя в руки: надо жить, надо жить хотя бы ради Натуси — как она одна будет? Это неправильно. Да и ребятам в школе она нужна — про героев почитать, поделки смастерить, книги выдать. Она усмехнулась, надо же — война, а читать стали больше, дня не проходило, чтобы целыми классами не приходили к ней в библиотеку. Она-то на самом деле всегда знала: в тяжелые и горькие минуты только слово может помочь, тем более такое — великое русское. Нет, конечно, западных авторов тоже читали — Джека Лондона или Жюль Верна, только опять же в русском переводе! Она решительно тряхнула головой, отгоняя последние грустные мысли. Лето пройдет быстро, надо успеть вырастить хоть какие-нибудь овощи, правда, огородник из нее таксебешный, но человек — удивительное существо — ко всему привыкает. Вот и она научится правильно в земле «копаться». А там — новый учебный год начнется, дочь вернется, и наконец-то закончится война, по крайней мере, ей бы этого очень хотелось!

Дрова

Лето в том году пролетело быстро и незаметно: в трудах, заботах, тревогах, бомбежках. Обычное военное лето. В конце августа в школу привезли дрова, хоть привезли поздно вечером, разгрузить их надо было до утра: нельзя оставлять такую ценность на всю ночь. Сколько раз такое бывало: сарай вскроют и все дрова унесут. Ладно бы в темноте, и днем умудрялись, а тут разве они всю ночь пролежат?

Допустить, чтобы школа осталась без дров никак нельзя! Кинули клич и все ребята, пережившие первый военный год, пришли во двор. Дрова оказались тяжеленными стволами огромных деревьев.

— Я таких никогда не видел, — задыхаясь от тяжести, с трудом просипел Мишка, когда они с Олегом, Вовкой и парочкой таких же худых и изможденных ребят тащили дровяного исполина, — откуда их только взяли?

— Из леса, вестимо, слышь, рубят, а мы вот несем, — слегка пришепывая от напряжения, продекламировал некрасовскую переделку Вовка, — давай поднажмем, мужичок с ноготок, а то такими темпами мы до утра не управимся, — продолжил он, посмеиваясь и пытаясь вытереть потный лоб, не опуская свою ношу.

— Ой, смотрите, гигант какой нашелся! — тут же обиделся Мишка. — Я всего-то, может, на два сантиметра тебя меньше, а может, и на один!

— Вот только споров нам сейчас не хватало, они как раз помогут все быстрее сделать, — вступил в разговор Олег-старший.

— А чего я-то? — скинулся Мишка. — Он первый начал!

— Замнем! — сурово сказал Олег и деловито добавил: — Правее давайте, тут неудобно идти.

Работали всю ночь, прерываясь, только когда дрожащие от напряжения руки совсем переставали держать огромные стволы. Когда весь трамвай был разгружен, ребята повалились на землю, кто где стоял, и, прислонившись к спине или плечу ближайшего соседа, забылись тяжелым сном. Что им снилось — трудно было сказать, но судя по блаженным улыбкам — тепло, разливающееся по всей школе и даже по каждому классу суровой зимой. Отправляя через несколько дней очередную восточку в далекий омский край, Лизочка не преминула поделиться радостью с Натусей: «Нам всем дали дрова — значит, не замерзнем!»

Столовая

В тот год младший брат Олега-старшего, Олег-мелкий, пошел в школу. Только учеба у него быстро закончилась: упал прямо на крыльце школы и поломал ногу. Заживали раны у всех плохо: измученным организмам трудно с болезнями бороться. «Сел» он дома, а тут и зима подоспела — тоже не поспособствовала учебе. Олег-старший помогал мелкому, «подтягивал» по предметам, только редко теперь у него получалось домой выбраться: в это время ему сказочно повезло устроиться поваренком в столовую при Смольном. Там он и ночевал, и дневал, лишь изредка забегая к своим.

Когда Олег-младший немного поправился, и ему счастье «привалило». Правда, перед этим у них в квартире взрывом выбило все деревянные рамы, заколоченные фанерой, стекловиты в окнах уже давно не было. Хорошо, никого в это время дома не оказалось: мать с мелким Олегом стояли в очереди отovarивать карточки. Морозы разбушевались не на шутку, и оставаться в квартире с выбитыми окнами было равносильно смерти, и Олег-старший выпросил у шеф-повара разрешение привести на работу младшего. Так он, мол, и при деле будет, и не замерзнет. В тот ледяной зимний вечер старший брат, неожиданно возникнув на пороге, так же неожиданно скомандовал младшему:

— Собирайся быстрее, натяни на себя, что потеплее, и айда со мной, я уговорил старшего повара тебя к нам на недельку пристроить! Пока выздоравливаешь и пока окна не вставили.

Мелкому два раза повторять не пришлось, он пулей, насколько позволял ему ослабленный голодом и болезнью организм, натянул на себя валенки, отцовскую куртку и шапку-ушанку, которая от постоянной носки дома вытерлась и перестала напоминать прежнюю довоенную обновку. Впрочем, в ней все равно было теплее, чем без нее, так что на красоту уже никто не обращал внимания. Спустившись за братом по

лестнице, Олег-младший, прихрамывая, двинулся в сторону Смольного. Идти было трудно: темно, скользко, к тому же на тротуаре то и дело попадались битый кирпич, осколки от зенитных снарядов, которые еще не успели сдаться в металлолом, брошенные санки и мятые ведра. Фонари не горели, и если бы не белый снег, дорогу вообще невозможно было бы различить.

Когда они пришли в столовую, наступила ночь, и братья сразу легли спать, расстелив матрас прямо на теплую печку. Какое же это было давно забытое блаженство, когда спишь на теплом матрасе в кофте и брюках, а не в шубе и шапке! Утром Олег-младший не мог поверить своим глазам — повариха нарезала для завтрака большими ломтями настоящий, БЕЛЫЙ хлеб и, от души зачерпнув половником пшеничную молочную кашу, шмякнула ее в тарелку! Самое удивительное было, когда к настоящему, ароматному чаю, вкус которого был давно и прочно забыт, она поставила на стол тазик изюма. О таком Олег-младший не помышлял даже в самых радужных мечтах.

— Добавки, что ль? — ухмыльнувшись, посмотрела на новенького повариха, одновременно накладывая еще одну порцию каши в дочиста вылизанную тарелку.

Он, смутившись и опустив глаза, кивнул и тут же увидел перед собой дымящуюся еду.

— Ешь-ешь, ишь, худющий какой, ты не стесняйся, наваливайся. Ешь, пока естся, — добродушно шутила повариха.

Вот если бы еще удалось увидеть Жукова или Жданова — Олег-младший был бы на вершине блаженства! Столовая эта была для младшего командного состава, маршалы туда не заходили, так что увидеть живого Жукова ему не удалось, зато целая неделя была проведена в тепле и сытости. Что может сравниться с таким счастьем?! Он, конечно, не бездельничал: котлы чистил, печки топил, посуду мыть помогал, но это все были такие мелочи по сравнению с белым хлебом и молочной кашей, что Олег-младший на них просто не обращал внимания. Если бы понадобилось, он бы и ночами не спал, котлы надраивая, лишь бы так вкусно и сытно кормили. И хотя «отпуск» в столовой Смольного, как все хорошее, закончился и опять начались суровые блокадные будни, неделя блаженства дала ему шанс выжить!

Книги

«Представляешь, у нас в школе есть свой поэт — Зенькович, ученица шестого класса, которая пишет очень хорошие стихи о школе, об огороде, и о лентах, есть у нас еще и такие», — отложив ручку, Лиза задумалась. Как все-таки война меняет людей. Ведь все ребята неплохие, но в, казалось бы, одинаковых условиях кто-то последним делится, кто-то берет на себя больше, чем может сделать, а кто-то норовит отсидеться за чужими спинами. Может быть, они мало читали, поэтому у них не было хороших примеров для подражания? Обмакнув перо, она спокойно продолжила писать, не боясь, что чернила замерзнут: дров в этом году было достаточно, а значит, и тепла, рожденного ими, тоже. На бумагу ложились ровные строчки: «За книги ругать не буду, хотя и следует. Но если нет подходящего чтения, то лучше хоть это, а еще лучше возьми Гоголя, Пушкина, прочти „Тараса Бульбу“, „Мертвые души“». Лиза неожиданно вспомнила, как много уже книг недосчиталась их домашняя библиотека. Когда они жили напротив ткацкой фабрики в двух маленьких комнатах в коммуналке, одну из них почти полностью занимали книги. Перед войной Иван начал готовить выставку «Классицизм в русском искусстве». Сколько он сил на нее потратил, как она была ему дорога! Всю семью «заразил» этой работой, Натуся даже из эвакуации вырезки газетные в письмах присылала. Иван до слез был тронут, что она о его выставке помнила.

Когда переезжали в маленькую комнатку на первом этаже школы, располагавшуюся прямо у черной лестницы, в самом торце коридора, очень много книг поте-

ряли: в старом жилье оставили. Не до них тогда было: тяжело таскать, да и некуда — уж больно комнатка была махонькая. В прошлую холодную зиму часть привезенных с собой книг пришлось в печке сжечь. Со слезами на глазах она их на растопку бросала, но выхода другого не было, пришлось смириться и с этим.

А вот заметки Ивана Лиза сохранила, с ними она бы не согласилась расстаться даже под угрозой смерти от холода: это была ниточка, связывающая ее с погибшим мужем. Читая и перечитывая коленкоровую тетрадь, она словно разговаривала с ним — ведь здесь «жили» его мысли. «Кончится война, будут у нас новые книги... если, конечно, выживем и встретимся», — подумала Лизочка и поставила точку, а потом написала: «Только что кончилась тревога, по радио играют Чайковского „Песню без слов“ — так хороша музыка, так хороша жизнь, так хочется жить».

Госпиталь

— Ты куда собрался такой нарядный? — с удивлением поинтересовался Мишка, оглядывая друга с ног до головы. Непонятно было — откуда у Вовки взялась белая рубашка, вернее, откуда она взялась, было понятно — из шкафа, но по какому поводу была надета — было неясно.

— В госпиталь идем, концерт раненым показывать, — с гордостью ответил тот, поправляя воротничок и смахивая невидимую пылинку с плеча.

— Интересно. А ты чего там делать будешь? — не унимался друг.

— Петь, — коротко ответил Вовка, но потом, сжалившись над любопытным Мишкой, пояснил: — Песню поем «Эх, туманы мои, растуманы».

Тут он оживился и начал расписывать номер.

— Мы дрова положим на сцену, на них тряпки красные, ну, кусочки, а подальше поставим вентилятор, сами сядем в круг и запоем, как будто партизаны на привале.

— А! Так вы же это на празднике в зале актовом показывали. Я помню — эх и здорово было, прям как всамделишный костер получился, и пели вы так хорошо.

— Ну вот, сначала мы в школе пели, теперь в госпиталь идем, раненым радость несем, небось несладко им, — Вовка, углядев в дальнем конце коридора долговязую фигуру одноклассника Юрки, поспешил ему навстречу, кинув Мишке через плечо: — Все, пора, ждут меня уже.

В это время мимо прошел Олег-старший, куда-то целеустремленно направляясь.

— Тоже в госпиталь? — с подозрением остановил его Мишка.

— Да! А ты откуда знаешь? Тоже идешь?

— Не знаю, нам ничего не говорили.

— Почему же вам все говорить должны? А самим подумать, чем можешь пользу городу принести, бойцам раненым помочь — никак?

— Вы все к нам как к мелким относитесь, а теперь — самим, самим, — недовольно пробурчал Мишка.

— Ладно, мне некогда, если хочешь — пойдем с нами, может, тоже пригодишься.

— Иду! — обрадовался Мишка и поспешил за друзьями. — Олежка, а ты тоже петь?

— Нет, — бросил через плечо Олег-старший, не останавливаясь, — я в шахматы играть буду.

— В шахматы? — искренне удивился Мишка. — Ты думаешь, раненым захочется в них играть?

— Конечно, шахматы — это здорово, — и, помолчав, прибавил: — И по-мирному.

Они уже подходили к госпиталю, а Мишка никак не мог успокоиться.

— А ты разве не забыл, как играть надо?

— Нет, конечно. Я еще когда в столовой работал, Генка-одноклассник нашел однажды шахматы, ну мы и сели в перерыве поиграть. Я, правда, кроме того, как фигуры ходят, ничего не знал, так он мне «фору» давал целую ладью. А потом я его обыгрывать стал, честно! Мы с ним придумали, будто у нас не просто шахматы, а страны воюющие!

— Ничего себе, — присвистнул Мишка.

— Когда кто выигрывал — значит, город захватывал.

— Здорово придумали, — с легкой завистью протянул Мишка.

— Ага. Он, как «француз», перешел границу Испании и до Гибралтара дошел. У меня дома, между прочим, атлас есть с нашими победами — все города исчерканы. Но я тоже в грязь лицом не ударил, оттеснил его к Пиренеям. Мы, кстати, во Дворец пионеров ходим в шахматную секцию.

— И сейчас ходите? — удивленно протянул Мишка.

— Конечно! А ты знаешь, что недавно в Доме офицеров первенство Ленинграда по шахматам проходило?

— Ух ты! Не, не знал!

— Правда, всего девять человек играть пришлось, остальных — кого на фронт вызвали, а кто прийти не смог от голода. Но те, кто был, все равно доиграли!

— Да, — задумчиво сказал Мишка, — все-таки мы — удивительный народ.

— Ой, тоже мне герой-ленинградец, — беззлобно рассмеялся Олег.

— Ну, я, может, и не герой... пока. Да и не про себя я. Я про тех, кто играл. Они — герои.

— Точно, — согласился с другом Олег, — мы пришли. Вон, кстати, и Генка стоит.

Пока Вовка с Юркой распевали песни, вернее, прокрикивали их охрипшими от голода и холода голосами, Олег с Генкой и увязавшимся за ними Мишкой отправились по палатам — играть с ранеными в шахматы. Олег играл на втором этаже госпиталя, Генка на первом, а Мишка в это время читал раненым письма из дома и писал за них ответы.

— Я хочу сеанс одновременной игры устроить, — неожиданно заявил Генка.

Медсестра, она же Генкина мама, искренне удивилась.

— А ты сможешь, Геночка?

Но возражать не стала, а напрямик направилась к коменданту попросить у него шахматы: той доски, которую таскал из палаты в палату Генка, явно не хватало для его задумки. Заинтересовавшийся необычным сеансом комендант в недрах госпитального склада нашел целых десять досок с прилагающимися к ним комплектами шахмат, и обрадованный Генка пошел по палатам, ища себе противников. Когда все игроки были найдены, к юному гроссмейстеру подошел главный врач госпиталя — сухонький старичок небольшого роста.

— Слушай, малец, а ты не можешь сначала вот в эту палату зайти? — показал он рукой на дверь, возле которой стоял Генка. — Там боец лежит у окна. Плохо ему совсем, может, хоть отвлечешь его немного.

— Конечно, иду, — тут же ответил юный шахматист и, постучав в дверь с цифрой пять, вошел в палату. Поздоровавшись со всеми, он напрямик направился к койке у окна, на которой, отвернувшись к стене, лежал раненый.

— Здравствуйте, — бодро начал Генка, — не хотите ли со мной сыграть в шахматы, я доску принес?

Застонав, раненый с трудом повернулся на кровати, и Генка ахнул: у бойца были перебинтованы глаза.

— Извините, извините, пожалуйста, меня не предупредили, что вы... что у вас... простите, — забормотал Генка, пятясь к двери.

— Не уходи! Давай играть, я смогу. Когда-то я прилично играл в шахматы, я даже был... Впрочем, это неважно, — невесело усмехнувшись, сказал раненый и продолжил: — Меня Иваном Васильевичем зовут.

— Генка... Геннадий, — представился Генка и, вернувшись к койке, пожал протянутую ему руку.

— Садись, богатырь, давай сражаться, — раненый на ощупь обнял юного шахматиста за плечи, и оба весело рассмеялись: так мало походил на сказочного героя блокадный школьник, на котором довоенная одежда висела, как на вешалке.

— Расставляй. Нотацию знаешь?

Генка, забыв, что Иван Васильевич ничего не видит, кивнул головой, испустив при этом горестный вздох: были, ох были у него проблемы с обозначением полей, только говорить о них было неудобно. Догадавшись по весьма выразительному вздоху о невысказанных переживаниях юного шахматиста, раненый весело сказал:

— Ничего, разберемся!

Началась игра. Через несколько ходов Иван Васильевич терпеливо начал объяснять:

— Конь цэ шесть. Коняга со второй вертикали переходит на третью!

Увлечшись партией, Генка совсем забыл про обещанный им же самим сеанс одновременной игры, а вот противники не забыли! Дружной гурьбой они ввалились в палату с цифрой пять на двери и потребовали юного гроссмейстера к себе.

— Я скоро, — выдохнул влекомый ранеными Генка, оглянувшись на Ивана Васильевича. Тот ободряюще улыбнулся, а когда за юным соперником закрылась дверь, уставился незрячими глазами в шахматную доску.

Сеанс одновременной игры прошел даже лучше, чем ожидал Генка. Среди соперников ни одного не то что профессионального шахматиста, но даже грамотного любителя не нашлось, так что он довольно легко поставил противникам несколько «детских» матов. Правда, пришлось немного «повозиться» с тремя очень похожими друг на друга и лицами, и осколочными ранениями зенитчиками, игравшими на одной доске. Они спорили, ругались между собой, но сдаваться на милость юного гроссмейстера не хотели! А он в это время мысленно «гулял» по доске, оставленной у кровати Ивана Васильевича. Генке ужасно любопытно было посмотреть: что же придумает такой сильный противник, какие ходы?

Наконец игра закончилась. Пообещав раненым, что на следующей неделе он обязательно заскочит к ним на такой же сеанс, Генка полетел в пятую палату. Иван Васильевич уже сделал ход и с нетерпением ожидал «соперника».

— Ну, держись, противничек! Пешка идет по седьмой вертикали на два поля, — весело воскликнул он, когда Генка появился в палате.

— Конь е пять, — с сомнением протянул Генка, переставляя фигуру, впереди явно ожидалась трудность, но бросать игру он не хотел, — ленинградцы умирают, но не сдаются, — громко провозгласил он.

— Положим, умирают не только ленинградцы, а вот сдать тебе придется! — повернув незрячую голову в его сторону, произнес Иван Васильевич. — Аш четыре, — после чего тут же начал напевать «Броня крепка, и танки наши быстры...»

— Вы танкист, — догадался Генка.

— Кто ж еще гореть может? Правда, летчики тоже бывает... иногда.

— А вы «тигра» когда-нибудь подбивали? — замирающим от волнения голосом спросил Генка.

— А как же, — буднично ответил тот и добавил: — С ним справиться легче, чем с тобой, богатырь.

Обрадованный комплиментом Генка с удвоенной силой ринулся в бой. Игра шла своим чередом, но вдруг Иван Васильевич, захрипев, завалился на бок. Растерянный Генка выскочил в коридор и что есть мочи закричал:

— Врача-а-а! Скорее! Танкисту из пятой плохо!

Навстречу уже бежали сухонький главврач и медсестры.

— В палату не заходить, — на ходу бросив Генке, врач скрылся за белой крашеной дверью. Юный шахматист мерил шагами госпитальный коридор, прислушиваясь к звукам за дверью, он пытался уловить, что там происходит. Чтобы скоротать время и отвлечься от мыслей о плохом, Генка зашел в палату к «одинаковым» зенитчикам и с ходу выиграл у них партию. Однако, не утерпев, он вышел в коридор и приоткрыл дверь с цифрой пять.

У постели танкиста стояла медсестра с пустым шприцем, врач держал раненого за руку. Через несколько минут он усталым голосом произнес: «Все кончено».

Генка заплакал. Он плакал беззвучно, украдкой смахивая слезы и глядя невидящими глазами, как танкиста накрывают белой простыней. Он вышел в госпитальный коридор и опустился на скамейку. Через несколько минут мимо него прошли санитары с телом Ивана Васильевича. На скамейку присел главврач, в руках он держал шахматную доску.

— Не плачь, сынок. Это война, — а потом, кинув взгляд на шахматы, добавил: — Иван Васильевич в начале агонии прошептал: «Скажите мальчику, я пошел ферзем на аш два. Это победа».

Они немного помолчали, и напоследок врач, неловко погладив Генку по голове, сказал:

— Танкист ушел красиво... Как победитель. Жаль только, что наша страна потеряла большого шахматиста.

Он устало поднялся и пошел по коридору, махнув на прощание рукой. Генка медленно побрел искать друзей.

Со второго этажа спускались «артисты», впереди всех шли Вовка и Юрка. Навстречу им возвращались от раненых с первого этажа Олег и Мишка. Когда друзья встретились, Мишка принюхался: от «артистов» подозрительно пахло куревом.

— Откуда вы такие, — он никак не мог подобрать слово, — странные?

Прокашлявшись, Вовка гордо произнес:

— Это нас товарищи раненые курить научили! Эрзац-махорку!

Мишка с Олегом и даже грустный Генка аж поперхнулись от такой новости.

— С ума сошли! Зачем? Это такая гадость, — у Мишка от удивления и негодования округлились глаза.

— Эх ты, мелкий! — свысока поглядев на Мишку и сплюнув сквозь зубы, объяснил Вовка. — Они ж для нашей пользы старались: когда куришь, меньше есть хочется! Вот так-то, — он похлопал друга по плечу, — но тебе еще рано, подрастешь, сам поймешь!

Всю дорогу до дома друзья обсуждали прожитый день, вспоминая концерт, сеанс одновременной игры, погибшего танкиста и, конечно же, новое умение Вовки с Юркой, которому научили их «сердобольные» раненые...

Радость

«У нас большая радость! Блокада прорвана. Вчера целый день были веселы, на улицах флаги, в душе радость. Если бы ты видела радость, которая была у всех на лицах! Надо было смотреть, как поздравляли друг друга даже незнакомые люди, везде чувствуется большой праздник». Елизавета Федоровна торопливо исписывала строчку за строчкой, рука сама летала над бумагой. Ей казалось, что никогда еще она не была так счастлива, как восемнадцатого января сорок третьего года. В эти дни у всех было ощущение, что все самое страшное позади, что скоро наступит конец войне. Вернется дочь, думалось Лизе, вот уже этой весной вернется, и они вместе про-

живут долгую и счастливую жизнь. Жаль только, радость сегодняшнюю не с кем разделить — нет Ивана, матери, отца. Да и многих друзей и знакомых тоже нет. Неожиданно для себя она приписала в конце письма стихотворение Веры Инбер «Трамвай идет на фронт»:

Холодный, цвета стали,
 Суровый горизонт —
 Трамвай идет к заставе,
 Трамвай идет на фронт.
 Фанера вместо стекол,
 Но это ничего,
 И граждане потоком
 Вливаются в него.
 Немолодой рабочий —
 Он едет на завод,
 Который дни и ночи
 Оружие кует...

Эти строчки были написаны еще в ноябре сорок первого. Почему она решила его именно сейчас отправить дочери? Наверное, Лиза и самой себе не ответила бы на этот вопрос. Может, потому что ей нравилась эта поэтесса, и она захотела поделиться с Натой замечательными строчками? А может, потому что ленинградцы уже столько пережили и это стихотворение — гимн их подвигу? К тому же сейчас в трамваях окна уже не забиты фанерой, а сверкают стеклами, вселяя надежду на скорую победу.

Закончив письмо и стараясь не растерять потрясающее чувство радости, она занялась привычным делом: завтра предстояло заменить учителя в пятом классе, а значит, надо подготовить экскурсию и подобрать подходящие книги для чтения. Лиза знала, какие именно она возьмет из своей крохотной каморки у лестницы, как только сместится с дежурства. Начинался новый день, полный надежд и счастья.

Болезнь

В эти радостные для всех блокадников дни Витька не рисовал. Хотя из водопроводчиков его отпустили: там появились взрослые помощники, и свободного времени теперь было гораздо больше, он неожиданно свалился от брюшного тифа. Когда все праздновали прорыв блокады, будущий большой художник лежал на продавленной койке в Боткинской больнице и мечтал выздороветь. Вернее, сначала он и мечтать не мог, просто метался в бреду, и ему везде мерещились серо-зеленые немецкие шинели. Почему именно их «выдал» измученный болезнью мозг, он не знал. Да и немец-то Витька видел близко только в апреле сорок второго, когда на Советском проспекте повстречался с колонной пленных. Какое же это было жалкое зрелище! Солдаты кутались в женские платки и заплатанные одеяла, обувь была пестрой и какой-то несерьезной. Бросались в глаза эрзац-валенки огромных размеров, в них нога казалась просто слоновьей. Только шедший впереди офицер был похож на человека. В высокой фуражке и серой шинели, с рукой на перевязи, он, казалось, совсем ничего вокруг не замечал, смотря вперед отсутствующим взглядом. Вся колонна шла очень быстро, не перескакивая через лужи, а прямо по воде и мокрому снегу спеша пройти мимо бегущих рядом мальчишек, кидающих снежки, и женщин, норовящих прорваться к ненавистным завоевателям через молодых, розовощеких конвоиров.

Рисовать Витьке не хотелось, хотелось выжить, а еще он очень скучал по книгам — их в семье было много, даже за время блокады все сжечь не получилось. Болезнь отступила в феврале. Вернувшись домой, Витька первым делом схватился за книгу, а потом за карандаш. Больше всего захотелось нарисовать что-то героическое. Например, как тушили зажигалки. Он немного подумал и, подписав чистый белый лист: «Держурство на крыше», принялся набрасывать рисунок. Перекрестье световых лучей, маленькая фигурка, стоящая на самом краю крыши и всматривающаяся в тревожную ночь, вторая такая же рядом, согнувшись, закидывает песком зажигательную бомбу. Напряжение в позах создает напряжение во всей картине, от нее веет мужеством и лично выстраданной правдой.

Огород

Когда миновала вторая блокадная зима, ребята вместе с учителями развели в Лахте уютный садик, вернее, огородик, где высадили все семена, какие только смогли найти. Вскоре на нем «заколосились» ростки свеклы, морковки, репы, турнепса и кое-какой травки. На учительском огороде почему-то возшла только капуста, но все равно все очень радовались ее хиленькой зелени, мечтали о настоящих щах. Но однажды сюда забрела корова. И конечно, все съела. Какое же всех ждало разочарование, когда они пришли поливать грядки!

Для ребят эти прополки-поливки были не нудной работой, а развлечением, но самое главное, рядом, на станции, стояла служба ВНОС — «Воздушное наблюдение, оповещение, связь». Бойцы частенько угощали «огородников» хлебом и сахаром, и даже, правда редко, печенками. Одним жарким июльским днем в небе появились немецкие самолеты. Они пикировали вниз и сбрасывали бомбы. Со станции бомбежка не выглядела ужасной, Мишка даже крикнул: «Плюются!», и все вокруг засмеялись. Когда вернулись вечером домой, то узнали, что бомбили первые номера домов на Некрасова и Жуковского.

«Придет время, и опять оживет наш вокзал, оживет наш Невский, вставят стекла в окна, откроют магазины, зажжется свет в фонарях. Сейчас даже трудно себе представить Невский в огнях — так темно у нас на улицах. Скоро, скоро придет это время. Жаль только, что не все доживут», — в сентябре сорок третьего писала при свете «летучей мыши» Лиза, сидя после очередного налета в холодной учительской...

Эпилог

Даня погиб в сорок третьем, Сева — восьмого мая сорок пятого в Берлине. Данькина мама переписывалась с Севой, ее не прочитанное им письмо выпало из полевой сумки. Мятый треугольник подобрал командир и написал Даниной матери о гибели Севы. В апреле сорок четвертого, вскоре после снятия блокады, погибла Витькина мать, и он оказался в детском доме. Елизавета Федоровна встретила с дочкой. Мишка, Олег и Вовка войну пережили.